

Яна Темиз

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Яна Темиз

Рай на земле

«Товарищество научных изданий КМК»

2016

Темиз Я.

Рай на земле / Я. Темиз — «Товарищество научных изданий КМК», 2016

ISBN 978-5-9909477-2-6

Действие романа «Рай на земле» происходит то в подмосковном дачном поселке, то в турецкой пляжно-курортной Анталье, а то и вовсе в прошлом — тогда, когда за границу могли выезжать лишь немногие избранные и когда даже любовь и личное счастье не всегда зависели от самого человека. Немолодая переводчица Елена Георгиевна, собравшись отдохнуть в Анталье, конечно, никак не могла предположить, что ее прошлое может настигнуть ее здесь и угрожать ее жизни. А ее новая знакомая Вера, тоже живущая воспоминаниями, никак не ожидала, что обретет потерянную любовь и окажется втянутой в почти детективную историю. Этот роман, в котором есть и убийство, и расследование, и преступник, не совсем и не только детектив. В нем тайное становится явным не благодаря сыщикам и экспертам — время само ставит все на свои места.

ISBN 978-5-9909477-2-6

© Темиз Я., 2016
© Товарищество научных изданий
КМК, 2016

Яна Темиз

Рай на земле

Бывает так, что на горизонте мелькнут журавли, слабый ветер донесет их жалобно-восторженный крик, а через минуту, с какою жадностью ни взглядывайся в синюю даль, не увидишь ни точки, не услышишь ни звука – так точно люди с их лицами и речами мелькают в жизни и утоняют в нашем прошлом, не оставляя ничего больше, кроме ничтожных следов памяти.

А. П. Чехов «Верочка»

1

...Они уже собираются.

Он смотрел на серое, холодное море и жалел, что оно не всегда такое.

Пройдет месяц-другой – а он никогда не забывал передвигать пластмассовое окошко на календаре, чтобы наверняка знать – когда! – да, пройдет чуть меньше двух месяцев, и оно станет голубым, бирюзовым, ярким, сверкающим на солнце, манящим.

Оно манит их. И он ненавидел море.

Если бы они могли видеть его сейчас, в марте, в разгар зимы, особенно этой, необычно холодной зимы: бесцветное, жалкое, покрытое рябью, выбрасывающее водоросли и всякую морскую муть и гадость на блекло-серый песок, – может, они не стали бы покупать дорогие чемоданы и дорожные сумки, пляжные полотенца и километры фотопленки, мерзкие ниточки-бикини и тошнотворные кремы для загара?..

Но море – то единственное, которое они знают: летнее, соблазнительное море! – манит их, и они летят, как перелетные птицы, спешат к теплу, к солнцу, к зелени и синеве.

Их много. И он их всех ненавидел.

Особенно потому, что их так много, и ему никак не удастся отыскать среди них одного. Единственного.

Зачем они рвутся сюда и портят наши жизни?! Превращают их в ад.

Ведь разве не ад – то, во что превратилась его жизнь?

Но он найдет его, этого человека. Он дал себе слово, и он его сдержит.

Он найдет его, потому что он снова прилетит сюда. Не сможет не прилететь. Они все возвращаются, как перелетные птицы.

Мы беззащитны перед ними: перед их белой кожей, тонкими, мягкими волосами, светлыми голубыми глазами, соблазнительными и соблазняющими, как море.

Лгущими и опасными, как море. Зачем им море, если у них такие глаза?

За много лет он так и не сумел понять, зачем этим бесцветным северным людям ежегодно стремиться сюда. Он не задумывался о том, что это, возможно, совершенно разные люди, что приезжают не одни и те же: они казались ему на одно лицо, и нужно было старательно вглядываться в эти бледные или красно-обожженные лица, вслушиваться в чужую речь, чтобы определить – немец, швед, англичанин, русский...

Зачем они слетаются сюда? Чего им не хватает в их просторных, холодных северных странах? Чего они ищут – рай на земле?

Так они говорят, повторяя одно и то же, прочитанное в рекламных буклетах.

Как будто он может существовать – рай на земле!

Как бы не так!

Он-то знал, что на земле существует только ад.

2

Яблоко висело близко, почти над головой.

Не очень большое, светлое от солнца, с яркими, словно нарисованными карандашом, штрихами румянца – грушовка, китайка или... как его? Коричное? Конечно, коричное: даже аромат чувствуется. Мама всегда говорила: не «коричневое», Леночка, а «коричное» – от слова «корица», понюхай, как пахнет... мама все знала про яблоки, а я вот... ни про яблоки, ни про яблони. Только сижу под ними, люблюсь, собирать и то лень.

Полуприкрыв глаза и с наслаждением вытянувшись в шезлонге, Елена Георгиевна смотрела на яблоко. Качнувшаяся ветка на секунду скрыла его, зашевелились, как живые, пятна света и тени, из-за листьев выглянуло другое яблоко, улыбнулось ей своим красным ароматным боком и снова спряталось.

Зачем куда-то ехать?... Август, в Подмосковье так хорошо, погода стоит дивная. Яблоки вот поспели... август... как там у Цветаевой? Август – астры, август – звезды... нет, дальше не вспомнить, особенно в такую жару. Надо что-то срочно придумать и сказать.

– Нет-нет, ничего... я тебя слушаю... это я так... про яблоки...

Зачем надо было брать с собой телефон? Все-таки прогресс и электрификация всей страны имеют свои негативные стороны. Вот пользовалась бы она своим старым аппаратом – и не надо было бы отвечать на звонки. Всегда можно сказать: я была в саду и ничего не слышала. А теперь? Когда все знают, что квартиранты подарили ей на Новый год радиотелефон, именно для того, чтобы носить с собой трубку и спокойно разговаривать, сидя в саду, разве теперь она может позволить себе не ответить? Впрочем, ради такого дела Инночка дозвонилась бы во что бы то ни стало и на старый домашний.

– Какие еще яблоки?! Ты хоть понимаешь, что нельзя упускать такой случай?! Неужели ты не хочешь...

– Не то чтобы не хочу... просто неожиданно как-то... там же жара сейчас, наверно, как в Африке!

– Жара, наверно, в этой Африке! – почему-то засмеялась Инночка. – Ты прям как дядя Ваня! Или кто это говорил – доктор Астров?

Какой еще Астров? Август – астры... нет, это из Чехова, кажется.

Муж ее старой университетской подруги был театральным художником, и поэтому Инночка всегда была в курсе всех премьер, удачных и неудачных постановок, закулисных интриг и прочих околотеатральных дел. Недавно он как раз занимался оформлением какого-то авангардного «Дяди Вани», ругал знаменитого Левенталья, когда-то делавшего декорации этой пьесы для МХАТа, вот Инночка и делает вид, что знает наизусть всю классику. Теперь еще о ней нельзя говорить «старая университетская подруга»! Недавно в зале Чайковского, когда Елена Георгиевна представляла ее кому-то, Инночка довольно резко высказалась по этому поводу: «И вовсе не университетская, и уж совсем не старая, вам не кажется?». Конечно, теперь у нее молодой... м-м... друг, приходится держаться.

Строго говоря, конечно, не университетская: они учились в разных институтах, Леночка в МГУ, на востоковедческом, а Инночка в консерватории, познакомились они в студенческом театре и, однажды разговорившись, остались вместе на всю жизнь. Ну и что такого? Как прикажете говорить? Подруга университетских времен, что ли? Кому интересно, что мы не сидели за одной партой в прямом смысле этого слова? Или все дело во втором слове? Они обе давно сошлись на том, что им «за шестьдесят», и никогда не уточняли никакие цифры. Зачем? Выглядят они, слава богу, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, старушками и бабушками их назвать язык не повернется, так пусть так оно и будет – за шестьдесят и все! При чем тут старость? Ее и нет вовсе, если чувствуешь себя прекрасно, седину закрашиваешь, имеешь возможность

покупать лучшие – и действительно хорошие, не всегда врет реклама! – кремы и маски, а в зеркале видишь... ну, не совсем то, что раньше, но, в общем, если отойти на шаг, да иметь такое замечательное старинное зеркало, какое было у Елены Георгиевны, да сделать скидку на пресловутый возраст... нет, очень даже ничего!

Господи, о чем она – не университетская, и не старая, и не... да нет, кто же, если не подруга? Конечно, подруга: сколько лет они ни дня не прожили без обязательного телефонного звонка. Но уж точно не Инночка: по-настоящему подругу звали Ниной Николаевной, и почему все ее окружение, начиная с покойных родителей и кончая внучкой Асей, звало ее, переставляя буквы в имени, было загадкой, которая за давностью лет перестала интересовать кого бы то ни было.

О чем она? О какой-то Ривьере... при чем тут Ривьера?

– Не такая уж жара! Вчера Саша в интернете посмотрел, там всего тридцать градусов, почти как у нас. Неужели твоя Наташа не соберет для тебя яблоки?!

Солнечные пятна снова поменяли положение, одно из них попало на яблоко, лежавшее в траве. Надо будет его подобрать. То, с дерева, достать вряд ли удастся. Как не удастся и отделаться от Инночки. Интересно, какой Саша смотрел погоду в интернете – зять или тот самый молодой друг? Елена Георгиевна всегда была внимательна к словам и тех, которые считала грубыми или слишком откровенными, не употребляла даже мысленно. Что поделаешь, пуританское воспитание. Самой уже... за шестьдесят, как и было сказано, а слово «любовник» до сих пор выговорить не можешь! Вон у Инночки таких комплексов нет – как, впрочем, и других.

– Сама подумай, когда у тебя еще будет такая возможность?! Пятизвездочный отель, одноместный номер, как ты любишь... бархатный сезон. Ты же сама хотела к морю, вчера еще мне говорила...

– Но меня же Валя звала в Египет, и мы собирались...

– Вот именно! Вы собирались! Ты что, не знаешь, что у Вали таких денег нет, и она тянула бы до последнего, потому что ей стыдно в этом признаться, и в результате вы никуда бы не поехали! А здесь все готово уже, ты что, Сашу не знаешь?! Если бы не эти проблемы с банками, они бы сами поехали, он для себя плохого не закажет. И к тому же... ну ты понимаешь... Толя же меня одну не отпустит, а ему сейчас ехать нельзя, у него в сентябре премьера, все так удачно складывается! Ты будешь в Асином одноместном, отель, говорят, шикарный, шведский стол три раза в день, и ты еще что-то там думаешь! Да разговоров быть не может! Если тебя цена беспокоит...

Цена Елену Георгиевну не беспокоила.

В отличие от большинства пенсионеров, она не только не бедствовала, но даже не выискивала, в каком магазине можно что-то раздобыть на несколько рублей дешевле. Такие поездки – непременно куда-нибудь к морю, к морю! – она себе позволяла раз, а то и два в год, и сейчас уже морально готовилась заплатить за приятельницу, звавшую ее в Египет. Потому что той такие путешествия не по карману, а ездить одной... господи, она и так всю жизнь одна! Хорошо Инночке говорить: одноместный, как ты, мол, любишь, – а что прикажете любить, как не собственное одиночество? И как его не любить, если ничего другого жизнь почему-то тебе не оставила? Что еще любить, когда тебе за шестьдесят, а если честно, то уже хорошо за шестьдесят, и лжет тебе только одно, старое, проверенное зеркало, и семьи у тебя нет и никогда не было, и от одного слова «любовник» делается не по себе, и есть у тебя только дом и этот солнечный сад с яблоками, и возможность ездить к морю, и несколько подруг, и это дачное подмосковное одиночество...

И все почему-то завидуют! Впрочем, что говорить, положение у нее неплохое, и многие, не задумываясь, согласились бы поменяться с ней местами, и одиночество не такая уж страшная вещь... прекрасная, в сущности, вещь. Если есть кому сказать: одиночество – прекрасная

вещь. Эту мысль Елена Георгиевна когда-то вычитала у Нагибина и с удовольствием присвоила ее.

Надо, чтобы было кому сказать про свое любимое – якобы любимое, а вообще-то вынужденное – одиночество, и она говорила: то Инночке, то Наташе, а чаще яблоням, большой липе, своей елке.

– Быстренько скажи мне номер паспорта, я односторонний уже на Сашу переоформила, пока никого дома нет. Теперь только твой билет – и все...

– Ладно, я тебе перезвоню, – а что такого? Почему бы нет? Там, кажется, и правда хорошо, все только и говорят: Анталья, Анталья, турецкая Ривьера! А в Египте она уже была... и к тому же все уже готово, не надо никуда звонить, ездить, ничего узнавать, решать, общаться с какими-то сомнительными конторами и сидящими в них самоуверенными молодыми людьми, сравнивать цены и условия, опасаться, что тебя обманут. Почему бы не съездить...

– Что значит – перезвонишь?! – возмущению подруги не было предела. – Это же срочно! Прямо сейчас говори мне номер паспорта, и когда и кем выдан, и...

– Но я в саду...

– Где ты сидишь, под яблоней? – Инночке были прекрасно известны ее привычки и пристрастия. В том числе и непереносимое послеобеденное сидение под яблоней, появившееся в последние годы.

Странно, но раньше она никогда не то что не любила, просто не замечала этого уголка сада, заходя сюда только за душистыми коричневыми яблоками. Слишком здесь все заросло, слишком близко к соседям, слишком тенисто и сыро. Раньше она любила сидеть с книжкой на крылечке или на маленькой лавочке под кустами сирени прямо перед домом.

Но с тех пор как часть дома пришлось сдать жильцам, ее привычки переменились. Видимо, одиночество так глубоко пустило корни в ее душе, что сидеть на виду у посторонних ей не хотелось. Даже если эти посторонние очень милые, во всех отношениях приятные люди, с которыми ей просто сказочно повезло, даже если проходят они по той дорожке, откуда можно увидеть ее крылечко и лавочку, от силы два-три раза в день, причем, как правило, не в то время, когда она привыкла там сидеть, – но все же, все же...

Участок у Елены Георгиевны был большим, почти тридцать соток – не участок, а мечта подмосковных огородников и дачников, а в последнее время и новых русских. Конечно, можно купить хоть гектар чуть дальше от города, но пока туда проведут дороги да коммуникации, да пока разрастутся липы и елки, да пока рядом появятся школы и магазины... нет, лучше прямо сейчас и сразу: разыскать обедневших академиков или писательских деток и внедриться в старые хорошие поселки, с соснами и сиренью, традициями, старыми самоварами на старых чердаках. Самовары и прочий хлам, разумеется, придется выкинуть, а домики перестроить на американский или псевдоевропейский манер – и можно жить.

Вокруг владений Елены Георгиевны тоже начали появляться кирпичные стены, но она и подобные ей держались изо всех сил. Держались за свое прошлое, за свои привычки, крылечки и лавочки, за свои деревянные заборы с резными, рассчитанными на честных людей калитками, за свои захламленные чердаки с обязательными самоварами, за свои застекленные треугольничками террасы, за свои корявые яблони и сосны.

В конце концов, пришлось пойти на компромисс.

Достав из шкафа очередную серебряную безделушку, которую можно было предложить уже хорошо знакомому антиквару, Елена Георгиевна вдруг поняла, что больше этого не вынесет. Пенсию ей никто не прибавит, помощи ждать не от кого, серебряных безделушек осталось так мало... а что потом? Несколько любимых картин, более ценных для нее, чем для равнодушного скупщика чужих воспоминаний, одно неплохое кольцо, китайский сервиз с драконами из полупрозрачного фарфора, несколько чашек, некогда принадлежавших самой Елене

Сергеевне Булгаковой, – кому все это нужно и надолго ли хватит вырученных за них денег? И с чем останется она, лишившись всего этого?! И никогда не увидит моря.

Она долго взвешивала «за» и «против».

Жить не на что, к морю не поедешь, впереди еще более серьезная старость, может быть, и болезни. Московская квартира, где она прописана, крошечная однокомнатная хрущоба в рабочем районе, уже сдана, но ни на море, ни на спокойную жизнь этого не хватает. Дом ветшает и требует средств, сад зарастает, ворота покосились так, что Инночкин муж уже опасается их трогать и, чертыхаясь, оставляет машину снаружи, – разве это жизнь?

С другой стороны, новые русские, дом в чужих руках, продать «вишневый сад» – ах, как можно, лучше гордо голодать!

Поборовшись с предрассудками, гордостью и предубеждениями, она все же позвонила в одно из ненавистных агентств. Вопреки ожиданиям, девушка, говорившая с ней, была любезна и нетороплива. Расспрашивала подробно, слушала внимательно, легко согласилась приехать, чтобы уточнить возможные цены, но и та цифра, которую она осторожно и предположительно назвала, несколько раз извинившись и повторив, что точнее скажет, только все посмотрев, – даже эта цифра поразила Елену Георгиевну до глубины души. Эта цифра меняла все: она означала беззаботное существование, поездки к морю, без которого она задыхалась, лечение давно нуждавшихся в этом зубов, тот дивный крем, который так нахваливала Инночка, возможность иногда позволить себе что-нибудь вкусненькое, новые книги и билеты в театр, новое пальто, а может быть, даже шуба...

К утру деньги за первые полгода были мысленно истрачены и от сомнений не осталось и следа.

Так в ее жизни появилась Наташа и угол под яблоней.

«Такой дом, как у вас, я ищу уже полгода, боже мой! – воскликнула девушка, едва повернув допотопную щеколду, запиравшую калитку. – Из-за этого даже в агентстве на телефоне подрабатывать стала. Господи, елка какая! А сирень... ну и пусть общая калитка, какая разница! Конечно, мы перделаем кухню, о чем разговор... и отремонтируем все сами. Вы правда согласны? Я вам за полгода отдам завтра же... с собой у меня столько нет... конечно, на машине... да мой Олег сделает эти ворота... да что вы? Буду я с ним советоваться, вот еще! Главное, чтобы мне понравилось! Мне, как видите, рожать через три месяца... вас, кстати, это не смущает? А то многие не любят, когда с детьми... ой, у вас картины какие! Старинные, наверно? Нет, мне все-все нравится, и мебель у нас есть кое-какая, и ремонт мы быстренько!.. Вы не думайте, я не всегда такая болтушка, просто вы не понимаете, что для меня это значит – найти такой дом! А продать вы не хотели бы?»

Нет, нет, только не это. Да, можно за полгода.

Конечно, начинайте, как же вам без ремонта, там же все в таком жутком состоянии. В той половине дома почти не жили. Отец иногда сдавал ее на лето дачникам, сердито выговаривал Леночке, что внуков так и не дождался, что для кого он тогда старался, что хоть бы она сама почаще приезжала или вообще бросала свою Москву и жила бы здесь – разве здесь плохо?

Вот она и живет. И неплохо. И вторая половина дома больше не пахнет сыростью и паутиной. Муж Наташи, не самый богатый, но, по-видимому, все же преуспевающий владелец что-то продающей фирмы, быстро привез рабочих, какие-то доски и коробки – и ворота стали новыми и даже красивыми, и на той половине появилась кухня, выгороженная каким-то чудом из бывшей террасы, а терраса утеплилась и превратилась в комнату, было много суеты и грязи, и Елена Георгиевна чуть не пожалела о принятом решении. Но шум и грохот скоротечного ремонта вскоре забылся, калитка стала надежно запираться, в саду загорелись фонари, а по новой дорожке, проложенной из ярких плиток не только к Наташиному, но и к Елениному крыльцу, стало можно ходить даже в слякоть и дождь, не боясь запачкать хорошие туфли.

И появились хорошие туфли.

И места, куда пойти в этих туфлях.

У веселой и шумной Наташи родился уже второй ребенок, и Елена Георгиевна, несмотря на все устрашающие предостережения Инночки, была довольна тем, как все сложилось.

Даже тем, что обнаружила новый угол в собственном саду.

Хорошо забытый старый, быстро ставший любимым. Здесь, под корявыми разлапистыми мамиными яблонями, было тенисто и всегда пахло землей и почему-то грибами, а малина, когда-то предусмотрительно посаженная у забора, так разрослась, что скрыла сам забор и пробралась к соседям, у которых, судя по всему, этот угол сада тоже избежал перестроек и чисток. Темная зелень надежно скрывала границы участков, и, сидя здесь, можно было чувствовать себя так, словно сидишь в настоящем лесу, где нет ни заборов, ни сараев, ни грядок.

– Я же знаю, что ты под яблоней! Вот встань сейчас же, отложи свою Агату Кристи, иди в дом и достань паспорт!

– И вовсе не...

– Ну тогда, значит, Маринину! – Инночка с презрением относилась к детективам и не упускала случая свое презрение продемонстрировать. – Иди и скажи мне номер. Давай, Елена Прекрасная, брось созерцать свои райские яблоки и иди! Только не говори, что у Елены было другое яблоко, без тебя знаю! Нет, Елечка, я действительно не понимаю... ну для меня хотя бы! Я же так устала, сто лет никуда не ездила, тут еще Толя со своей премьерой! Я уже слышать не могу про этого Левенталья, который там куда-то эту карту Африки не туда повесил! Ну не могу, и все! Хотела даже к тебе в Загорянку сбежать, а тут такой случай! Елечка, я тебя прошу...

– Да я иду уже, иду. Просто не люблю я неожиданностей... да, а как же Ася? Она тоже не едет? Ты же ее номер для Саши оформила? – вряд ли в планы Инночки входило сводить вместе пятнадцатилетнюю внучку и любовника, которому отнюдь не «за шестьдесят», а всего лишь за сорок.

– Да она только рада не ехать! Охота ей при родителях две недели сидеть! У нее новый мальчик появился, бой-френд, как они говорят, зачем ей эта Анталья? Она там раз пять была. Я ее номер сделала для Саши, но жить в нем будешь ты, там это никого не волнует. Толя спокоен, что я с тобой... да... вот еще что... я тебе сразу хотела сказать... Елечка, ты только не пойми неправильно...

Елечка. Ёлочка. Так звали ее все с самого детства.

Кажется, это придумал отец, когда сажал ту елку. Или он сначала придумал, а потом из-за этого посадил елку? Уже и не вспомнить.

Вот они, елкины лапки, нежно-зеленые на кончиках и почти черные или рыже-ржавые в глубине, у ствола. Проходя мимо, она привычно погладила опущенную ветку.

Сколько же связано с этой елкой, господи! «Это будет твоя елочка, ты будешь расти – и она вместе с тобой», – вот она теперь уже и старится вместе со мной. А как все помнится, как будто вчера: вот мама наряжает ее, совсем маленькую, для Нового года, вешает какие-то бедные, самодельные, но казавшиеся такими красивыми гирлянды; вот отец обмахивает ее от снега, это уже другой Новый год, он с трудом дотягивается до макушки, куда пытается прикрепить звезду; вот он обрубает нижние ветви, чтобы елочка росла прямая и красивая, это же твоя елочка, Ёлочка моя!

Она помнила и как отец сажал ее: основательно, по всем правилам, как и все, что он делал, учитывая особенности корневой системы, не слишком близко к дому и не слишком далеко, прикидывая, куда будет падать тень. «Папа, туда, где ты стоишь, тень от этой елки упадет лет через сто! Уже ни тебя, ни меня не будет!» – беспечно кричала она, совсем не задумываясь над тем, что говорит. Это теперь такими словами бросаться не станешь.

Вот и отца давно нет, и мамы, и елка, прямая, красивая, хоть в Кремле ставь, уже выше дома и видна от дороги. Скоро и останется здесь от их жизни только дом и елка. И тень от елки...

– Елена Георгиевна! Я на рынок, вам что-нибудь нужно? – звонкий голос Наташи прозвучал где-то совсем близко, заставив ее вздрогнуть и прибавить шагу: Инночка же ждет.

– Нет-нет, спасибо, Наташенька, у меня все есть... нет, я не тебе, это Наташа на рынок идет... ничего-ничего, это я по телефону... правда, ничего не нужно, спасибо!

В доме было прохладно и приятно после жары, которая почти не чувствовалась под яблоней, но сразу дала знать о себе на лужайке и около елки. Неужели через несколько дней она будет у моря? Как хорошо! Что там Инночка говорила про какие-то деньги? Елка ее, что ли, отвлекла?

Надо прислушаться и вникнуть. Скрипнул старый ящик большого комода, вот он, паспорт, здесь же и деньги... как все-таки хорошо, что они есть! И Наташа... может действительно продать им ту часть дома, они ее так уговаривают. Чего ей, собственно, бояться? Для кого сохранять? А люди они приятные, надежные, вон дети у них, будет в доме жизнь. И с Наташей она теперь связана. Если бы не Наташа, она бы никогда не узнала...

– Ну и пришлось сказать, что у тебя сейчас денег нет и что мне бы хотелось сделать тебе подарок. Для Саши это не сумма, он тут же рукой махнул, но ты смотри, Толе не проговорись, ладно?

Понятно. Хоть и совсем не понятно! Как понять, что женщина настолько потеряла стыд, что готова везти любовника на курорт за счет своего зятя, лгать мужу, вовлекать в эту ложь лучшую подругу? Для Саши это не сумма! Зато для другого Саши это, видимо, сумма. Елена Георгиевна знала, что Инночка постоянно платила за своего приятеля в театрах и ресторанах, делала ему какие-то подарки, но это же совершенно другие деньги! И потом одно дело – тратить собственные небольшие доходы от уроков, и совсем другое – больше тысячи долларов, принадлежащих зятю! Да еще ставить ее в неловкое положение перед своей семьей! Она, слава богу, не нуждается и не желает оказываться на положении бедной, облагодетельствованной пенсионерки.

Нет, это не дело. Мысли ее, сделав круг, вернулись к собственным финансам – может, все-таки продать дом? Что она теряет? Будет жить, как сейчас, а свободы, той, что зависит от денег, прибавится. В конце концов, много ли ей осталось? Ни наследников нет, ни молодых любовников, никого...

Возни только много. Сосед вон решил продать, так оказалось, что надо оформлять какой-то кадастр, идти в земельный комитет, в регистрационную палату, собирать подписи у соседей, еще что-то делать. Раньше ничего подобного не было! Сосед, пришедший как раз за нужной ему подписью, интеллигентный, воспитанный молодой человек, как начал рассказывать о своих хождениях по инстанциям, так просидел почти час, успев попутно выпить две чашки чая и традиционно, как все ее нечастые посетители, повосхищаться картинами и китайским сервизом. Как странно: собственный дом – и тот не можешь продать без мучений!

Елена Георгиевна практически не общалась с соседями, многих из них и знать не знала и представить себе не могла, как это она пойдет собирать какие-то подписи.

– Ельча, ты меня слушаешь? Паспорт нашла? – еще одно прозвище такого же возраста, как елка. Елечка – Ельча, сокращение такое, для чужих, наверно, странно звучащее.

– Нашла. Но послушай, Инночка, это же неудобно! В смысле про деньги. Что твои все обо мне подумают? И они прекрасно знают, что я сдаю дом и московскую квартиру, и что я часто езжу куда-нибудь, и что...

– Диктуй давай. Неудобно спать на потолке... и еще кое-что! И кем выдан на всякий случай... все, пока, собирай чемодан! Номер рейса и все дела я тебе завтра скажу, сейчас некогда мне! Костюм бирюзовый возьми и то платье свое, вечернее! Все-таки пять звезд! И гранаты мои любимые! Все, Ельча, счастливо, до завтра!

Как у нее все просто, господи! А может, все и на самом деле так просто? И не надо ничего усложнять. Говорить все слова подряд и не краснея, ездить на курорт с любовником,

лгать мужу, присваивать чужие деньги, играть роль богатой дамы с богемными привычками – а почему нет?

Снова усевшись под яблоней, Елена Георгиевна попыталась вернуться к своему доинноч-киному настроению. Но то умиротворенное, созерцательное состояние, которое обычно приходило к ней здесь, никак не желало возвращаться. Рука машинально потянулась к оставленному детективу, но раскрывать его почему-то не захотелось. Елена Георгиевна даже поймала себя на мысли, что не помнит, о чем там речь, хоть сначала начинай. И вроде модный, всеми читаемый автор, она сама его столько раз хвалила и защищала в пустых разговорах со знакомыми – и вот, пожалуйста! Все там, казалось бы, на месте: интрига, загадка, персонажи, – и при этом... ни уму ни сердцу. Нет, уму, это ложно-интеллектуальное чтение еще что-то говорило, а вот сердцу... не то что старые английские детективы, в которых можно было просто жить, уйдя от себя, своего одиночества, своих забот.

Она поискала глазами то яблоко в траве, которое заметила во время телефонного разговора. Где же оно? Солнечные пятна успели переместиться, освещая другие части лужайки, трава уже начинала подрастать до неприличной и непроходимой высоты, надо сказать Наташе, что пора косить... так никакое яблоко не найдешь... что-то Инна говорила, про яблоко раздора, кажется... через неделю увижу море... буду вставать рано-рано, пока все еще спят, тогда море будет только моим... моим собственным... можно плыть и плыть...

– Ой, я вас разбудила? Простите, ради бога, Елена Георгиевна! Я хотела сказать... я вам там арбуз на крыльце оставила...

– Нет-нет, ничего... что-то я задремала... раз мечталась, наверно! Наташ, я через неделю еду в Анталию, меня Инночка пригласила, так что ты тут следи за всем. Вон траву уже косить пора.

– Да не волнуйтесь вы! Все будет в порядке. Траву Олег в эти выходные косить собирался... ничего здесь без вас не случится! Отдыхайте спокойно. А куда вы едете? Мы два раза в Кемере были, там красота такая!

– Нет, Инночка сказала, что это прямо в самой Анталии, пятизвездочный отель... какое-то такое название... господи, все забывать начинаю! А, «Ренессанс», вот! Вспомнила все-таки! Ей-богу, старческий маразм начинается!

– Да ладно вам, Еленочка Георгиевна! Уж кто бы говорил! Вы моложе меня, по-моему, выглядите!

– Ох, Наташенька, если бы!

– Ладно, я побежала, кто-то там у меня плачет! Арбуз на крыльце! – вечно растрепанные волосы, быстрые движения, громкий голос... неплохая, в сущности, девочка... молодая совсем... все на бегу, на бегу... или и мы были такими же?

– Зачем же, Наташ? Я же сказала, у меня все есть, – слабая попытка протестовать была предпринята слишком поздно, яркая майка была уже где-то возле елки.

– А теперь и арбуз есть! – весело крикнула исчезнувшая в доме Наташа.

Елена Георгиевна изо всех сил старалась сохранять самостоятельность и независимость. Она – домохозяйка, «лэндледи», они – ее арендаторы, деньги первого числа за месяц вперед, и все, не более того. Однако иметь подобные отношения с жизнерадостной, болтливой и, как казалось Елене Георгиевне, простоватой Наташей было практически невозможно. Она упорно не желала понимать намеков, никак не реагировала на прохладный тон, мгновенно стирала тщательно выстраиваемые оборонительные укрепления, преодолевала любую дистанцию – и звала на шашлыки, угощала пирогами, привозила с рынка то, что Елене Георгиевне было тяжело носить, забегала выпить чаю, просила почитать книги. Сначала Елена Георгиевна воспринимала подобное поведение в штыки, защищалась как могла, оберегая свое многолетнее привычное одиночество, которое она отождествляла с независимостью, но постепенно эта слегка навязчивая, непосредственная и, в общем-то, добрая молодая женщина заняла какое-

то, пусть небольшое место в ее жизни, стала ее привычной, неотъемлемой частью, и она незаметно для себя перестала считать ее чужой и признала ее право появляться без предупреждения, задавать вопросы и вмешиваться в свою жизнь.

Например, оставлять на крыльце арбуз. Или собирать яблоки и косить траву на ее половине сада. И потом без нее она никогда бы не узнала... так бы никогда и не узнала!

Нет, что ни говори, с Наташей ей повезло. Может, все-таки сделать усилие, оформить все эти кадастры и что там положено... посоветоваться с тем соседом, он все это уже прошел. Она не без труда повернула голову и поглядела в глубь сада. Как он смешно сказал: «У нас с вами точечная граница!» Точечная – надо же такое придумать! Походите с мое – тоже переймете их терминологию, парировал он ее невысказанную насмешку. Это означает, что у нас с вами участки соприкасаются только углами, и в прошлом году, когда я начинал свои мытарства, подписи от угловых соседей не требовались. А теперь вот... я, между прочим, врач, мне элементарно некогда этим заниматься, а я езжу сюда, как на работу... но мама решила продать дачу, она после смерти отца здесь почти не бывает... это он любил этот дом...

Я тоже люблю свой дом, но это не повод отказывать Наташе. Это ведь не те новые русские, которые... словом, новые! Нормальные, приятные люди, не бедные, конечно, но это не порок... господа, как забавно, раньше говорили: бедность – не порок, а теперь, выходит, богатство!

Надо было тогда повнимательнее слушать, сейчас знала бы, с чего такие дела начинают. С инвентаризации, кажется? Нет, все эти бюрократические слова не для нее. Да она и слушала-то вполуха, больше сама говорила. Сосед, как и все, удивился ее необычной специальности, расспрашивал о Китае, и она, разумеется, не упустила случая покрасоваться. А надо было его слушать! Нет, если Наташа хочет, пусть они с мужем берут все оформление на себя... да, правильно, чтобы ей осталось только поставить подпись на каком-нибудь окончательном документе. Можно даже сделать такую доверенность, типа: я хочу продать часть дома и поручаю оформить все необходимые для этого документы... или подготовить, или как они там выражаются.

Да, а что, это мысль! Конечно, где-то в Белеве существует троюродная племянница, но ни она, ни Елена Георгиевна никогда не проявляли ни малейшего интереса друг к другу, встретиться она мне на улице – не узнаю. Можно, конечно, порыться в старых записных книжках, позвонить, написать, связаться. Намекнуть на возможное наследство... нет уж, гадость какая! Как Инночка со своим... Сашей! Неужели она никогда не задумывается, ради чего он... ведь не ради ее прелестей, это уж точно!

Да я и то моложе выгляжу... надо бы посмотреть на себя, что ли! Все равно пора уже идти в дом, ставить чайник.

Елена Георгиевна жила по раз и навсегда заведенному распорядку, включавшему, кроме сидения под яблоней, обязательное пятичасовое чаепитие, работу в саду, обстоятельные завтраки и ужин – с накрытым столом и разными мелочами, которые нормальные люди используют только при гостях. Но гости бывают редко, а собственную жизнь, вернее, то, что от нее осталось, надо же чем-то заполнить.

Чайная церемония, хорошие манеры, соблюдение этикета – все это кирпичики в Великой Китайской стене, которую она старательно выстраивала вокруг себя. Все-таки за стеной надежней... что же делать, если нет того, за кем – как за каменной стеной...

А ведь все могло быть! Могло! Как поздно она узнала, как поздно! Наташа... да, если бы не Наташа... все она, ну, и елка, все та же елка!

Да, решено. Вот вернусь из Анталии и скажу ей, что согласна. Наверное, это судьба.

Столько лет ничего не зная, отравлять себя злобой, ревностью, воспоминаниями, приучать себя к ненависти, представлять случайную встречу и все презрительные слова, которые могли бы быть сказаны... хорошо, что хоть от этого она оказалась избавлена. И все же лучшие годы были непоправимо отравлены, испорчены, исковерканы – почему, ну почему она все

узнала так поздно?! А если бы не Наташа – никогда бы не узнала. Значит, Наташа была ей послана не случайно. Они связаны теперь, и пусть этот дом станет ее домом навсегда.

Вот приеду из Анталы...

Елена Георгиевна неловко (нога-то побаливает, как ни молодись, надо ее на песке прогреть!) поднялась с шезлонга, взяла так и не открытую книгу и направилась к дому. А вот и яблоко – то самое, румяное и красивое, улыбавшееся ей из травы.

Хоть они любят меня – елка, яблони, сирень...

Она наклонилась, чтобы поднять яблоко, но тотчас же, уже успев сделать привычное движение, с отвращением отшвырнула его: с другой стороны, прижатой к земле, оно было отвратительно гнилым, мягким, тошнотворно-коричневым, с уже копошившимися в нем мерзкими червями, оно оставило на пальцах что-то скользкое и противное, и это было так обидно, что Елена Георгиевна вдруг заплакала.

Почему, ну почему? Разве это справедливо, что даже яблоко?..

Нет, в дом, скорее в дом, за свою Китайскую стену, к чаю, к тонким чашкам с драконами, к своим фотографиям и книгам, к картинам, которые никого не оставляют равнодушными. Сегодня она будет смотреть на море. Сегодня это можно, потому что скоро она увидит его – настоящее, и тщательно отделанная мастихином пена не испортит ей настроения. Да, она сядет так, чтобы видеть этот пейзаж, а не натюрморт с арбузом и не тонкую японку на шелке.

Какое счастье, что не пришлось их продавать! Особенно японку, привезенную из Китая, – не китайку, а именно японку, в этом-то Елена Георгиевна разбиралась.

Она бросила взгляд на яблоню: яблоки висели высоко и, похоже, отнюдь не желали падать к ней, как к какому-нибудь Ньютону. А падаль подбирать уже не хотелось. Надо же, слово-то какое – падаль!

Где-то в самом углу, там, где заросли малины образовывали почти непроглядную и непроходимую чащу, раздался шорох, и Елена Георгиевна, ругая себя за нелепые страхи, почти побежала к дому. Только не хватало вздрагивать и бегать от таких знакомых садовых звуков!

Она сама бы не смогла объяснить, почему такой безобидный, такой знакомый шум листвы вдруг показался ей нехорошим и подозрительным.

3

– Вообще-то, мы давно собирались! Два года в отпуске не были, ты же знаешь. И вроде путевка неплохая, Олег там бывал уже, правда, в другой гостинице, но это неважно. Ему надо отдохнуть, он весь измучился за эти полгода... да договорилась с нашей Леной, она поживет. Медсестра все-таки, и Анна Ивановна к ней привыкла. Нет, что ты, конечно, не возражала, она все понимает...

Черта с два она не возражала! Черта с два она что-то понимает! Но говорить иначе Лидия Дмитриевна не умела. Многолетняя привычка, что поделаешь. Получив в приданое эту изумительную стерву в качестве свекрови, она и предположить не могла, что будет терпеть ее столько лет. Молча терпеть и подчиняться – нет-нет, что-нибудь как-нибудь изменится!

Тогда она была молода, была влюблена, брак с однокурсником, отличником, мальчиком из благополучной семьи с Кутузовского проспекта казался всем и ей самой пределом мечтаний – что ей до свекрови! Она заставит ее себя полюбить, она сама полюбит ее, раз она его мама, она изменит ее, и все будет хорошо, они привыкнут к друг другу и уживутся.

И они уживались – уже четверть века. Анна Ивановна требовала беспрекословного подчинения, уважительного внимания и непрерывной заботы. Раньше часть этого внимания и заботы брал на себя свекор, а после его смерти это бремя целиком и полностью легло на Лидию Дмитриевну и Олега.

Анна Ивановна не желала сходить со сцены.

Лидия Дмитриевна полюбила читать длинные семейные хроники, такие, которые принято считать скучными и безнадежно устаревшими. Они нравились ей потому, что в них каждое поколение знало свое место: старики не молодились и уступали главные роли повзрослевшим детям, внуки подрастали и тоже обретали самостоятельность, и какими бы тиранами ни изображались порой всякие деды и бабки, они не шли ни в какое сравнение с ее невообразимой свекровью. Та была непоколебимо уверена, что все в жизни вертится и должно вертеться исключительно вокруг нее, а ни о каких изменениях в привычном укладе жизни никому из ее домашних и мечтать нечего.

Свекор принимал такое положение вещей на удивление спокойно, и Лидия только диву давалась, как мог этот во всех отношениях приятный, неглупый, интеллигентно-аристократического вида мужчина жениться на такой гадине. И не просто жениться, но жить с ней много лет!

Когда Олег сообщил родителям о предстоящей женитьбе, его отец заикнулся было, что надо будет выделить им комнату, например, переоборудовать кабинет, поменять его местами с детской, но Анна Ивановна посмотрела на него так, что Лида моментально поняла, кто в доме хозяин.

Хозяйка. В этом доме одна хозяйка, и второй никогда не будет. Поняла, но продолжала тешить себя иллюзиями: она меня полюбит, ведь я жена ее единственного сына, а он меня любит, значит, и она...

Ничего не «значит»! Что для этой женщины никто ничего не значит, Лидия поняла гораздо позже, хотя все можно было легко разглядеть с первого взгляда.

«Лидуся, кажется, ты попала! – заявила более проникательная подруга, которой Лида в первый и последний раз в жизни пожаловалась на не совсем любезный прием, оказанный ей будущей свекровью. – Слушай, может, передумаешь? Что тебе Олежек, маменькин сынок? Не найдешь, что ль, получше? Она же вам никакой жизни не даст, вот увидишь! Чего ты спешишь-то? Или уже?»

Уже. Это, к сожалению, поняла и Анна Ивановна, и это стало излюбленной темой ее разговоров на ближайшие десять лет. Даже на двадцать. Ну, ты же понимаешь, ему пришлось на ней жениться, да, ничего не поделаешь, мы, разумеется, не могли позволить... мальчик должен вести себя как следует и отвечать за свои поступки... не знаю-не знаю... неплохая девочка, но какая разница... она ему, конечно, не пара, но он был вынужден, мы же воспитывали его как порядочного человека.

Лиде хотелось плакать или бросить в свекровь чем-нибудь тяжелым.

Она приставала к Олегу, мучила его, думала, что он действительно женился на ней только потому, что был вынужден, стала подозрительной и ревнивой. Она не могла больше жаловаться подругам, поговорить ей было не с кем, муж учился, делал карьеру, защищал диссертацию – Лида молчала, растила сына, старалась пореже выходить из бывшей Олеговой детской, где они ютились вдвоем.

И продолжала надеяться.

О разделе огромной квартиры на Кутузовском проспекте нечего было и думать, но, может быть, она все-таки поймет, что жизнь не может не меняться? Что у нее есть внук, что мы уже взрослые люди, что нам скоро тридцать, скоро сорок, сорок пять!

Как мог он решиться на эту поездку, не согласовав ее предварительно с матерью? Просто чудо какое-то! Анну Ивановну нельзя оставлять одну, старуха – как мысленно звала ее Лидия – была давно и серьезно больна, и вот уже два года возле нее постоянно кто-то находился. Это было нелегко при их с мужем плотном рабочем графике, при том, что сын заканчивал университет и наотрез отказывался считаться с бабкой и терпеть ее капризы, но они исхитрялись как-то успевать, жертвуя, разумеется, отдыхом, не самыми важными встречами, отделяваясь телефонными звонками от друзей и знакомых и постоянно докладывая Анне Ивановне, где

кто из них находится и когда будет дома. О каких-то поездках в такой ситуации и думать было нечего. Лидия Дмитриевна и не думала. А вот Олег, оказывается... надо же, не ожидала от него! Собраться в Анталию, когда мать больна и ничего не знала о намечающемся отпуске!

Видимо, пришел предел его терпению.

«Она не возражала!» – как бы не так! Вчера они пережили настоящую бурю. Пришлось спешно уговаривать приходящую медсестру пожить у них, свекровь была вне себя, но потом вдруг неожиданно успокоилась и даже повеселела.

Это озадачило Лидию Дмитриевну больше всего. Неужели все было так просто? И она зря мучилась столько лет, боясь возразить этой женщине и сделать хоть что-то по-своему? Неужели надо было всего-навсего проявить твердость разок-другой, и эта железная леди сдалась бы без единого выстрела?

Или тут что-то другое? Старость, например, обычная старость, лишаящая сил и притупляющая вкус к борьбе? Или Олег... ей показалось, что муж сказал матери что-то, пока сама она обсуждала с Леной разные мелкие практические вопросы. Да, кажется... когда они говорили об уборке... Галина Петровна придет, как обычно, и все приготовит... потом о прачечной... о том, что надо оставить денег на лекарства, некоторые заканчиваются, на две недели не хватит...

Точно! Он сказал что-то вроде: я нашел и двух недель мне хватит. И Анна Ивановна переменилась в лице, повелительно, снизу вверх махнула рукой в их с Леной сторону – королевский жест, черт бы ее побрал, эту старуху, вспомнишь, и не раз, студента Раскольников! – и, уже выходя, чтобы оставить мадам наедине с сыном, Лидия Дмитриевна отчетливо услышала слово «наконец-то».

Его произнес не Олег, она была уверена. Интересно, о чем это? Явно не об их поездке, которая привела старуху в ярость.

– Как это ты ее успокоил? – спросила она, едва муж вышел от матери и кивнул медсестре, что можно делать укол, пациентка готова. – Чудеса, да и только.

– Я слово знаю! – улыбнувшись, Олег так элегантно ушел от ответа, что Лидия Дмитриевна почему-то не стала приставать с расспросами.

Она была счастлива.

Слово «наконец-то» вертелось у нее в голове, потому что это для нее наступило оно – долгожданное «наконец-то». Пусть только на две недели, пусть не по ее выбору, но так даже лучше: раз Олег захотел сделать такой сюрприз, пусть все так и будет! Подумать только: две недели моря, отдыха, солнца, две недели не думать о свекрови, не слышать ее голоса, не беспокоиться о том, чтобы успеть куда-то вовремя, чтобы всех предупредить, все спланировать, все купить, все предусмотреть.

Она была счастлива, обзванивая коллег и знакомых, отдавая последние распоряжения на работе, говоря всем, что свекровь, эта мудрая и все понимающая женщина, спокойно отпустила их отдохнуть, не возразив ни слова.

Только оказавшись в самолете и услышав, как муж, перед тем как выключить мобильный телефон, поспешно набирает номер и снова, как всегда, докладывает матери, где именно они находятся, на каких местах сидят и во сколько по московскому времени приземлятся в Турции, она почувствовала, что радовалась напрасно.

Что от свекрови ей никогда не избавиться.

Что эти бесконечные звонки испортят им весь отдых, как уже бывало раньше.

Что вокруг множество молодых женщин, которые будут красоваться топлесс на пляже, в то время как она неизвестно еще влезет ли в свой старый цельный, прикрывающий все, что она пыталась прикрыть, купальник.

Что собиралась она слишком поспешно и вряд ли взяла все необходимое и даже почти наверняка оставила свое единственное нарядное платье.

Что ей не дает покоя это невпопад сказанное старухой слово.

Что Олег затеял что-то, что посчитал нужным скрыть от нее. И о чем прекрасно осведомлена ненавистная свекровь.

– Мама, я абсолютно уверен. Да. Да, найду... обязательно. Да, разумеется, сразу же позвоню.

– О чем это вы? – сделала последнюю попытку Лидия Дмитриевна.

– Как всегда, – пожал плечами муж, убирая отключенный телефон. – Маман в своем репертуаре: позвони, когда приземлитесь, позвони, когда доедете, позвони, когда разместитесь!

– А что ты найдешь?

– Время. Время, чтобы ей позвонить, что же еще!

Ей очень хотелось верить. Она всегда или почти всегда верила Олегу, но сейчас с неприятным чувством какого-то прозрения видела, что он лжет.

И что его разговор с матерью был совсем о другом.

4

Вера распахнула окно и замерла.

Вот оно, все то, о чем она столько лет мечтала: яркое небо, совсем не такое, как над Москвой, яркая, каких-то совсем других оттенков зелень, черепичные крыши, ярко-белые стены (господи, они их моют, что ли?!), этот особенный, так и не забытый ею за столько лет запах (что это так пахнет: цветы, вода, трава, здешнее солнце?) и странно-полосатое море. Почти зеленое ближе к берегу, оно вдруг становилось синим, потом бирюзовым, потом голубым, и Вера отчетливо видела не размытые, а почему-то словно начерченные границы цветов – без полутонов, без переходов.

Смотри, вот оно – море.

И главное, вот она – Турция! Разве не об этом ты столько лет мечтала?

Она вдохнула поглубже, чтобы надышаться, насытиться этим воздухом, пропитанным солнцем, морем, зеленью и цветами, чтобы раствориться в нем, чтобы вернуться туда, куда вернуться невозможно. Вот он, этот яркий, сияющий мир – снова перед ней. Только теперь он ничего не обещает, кроме приятно проведенного отпуска, роскошного пляжа, шикарного отеля, купания и загара.

Она снова вдохнула, осознавая каждый свой вдох и совсем не чувствуя выдохов, словно ей хотелось, чтобы весь этот воздух, без остатка, принадлежал ей, только ей одной. Разве он не мог принадлежать ей?

Нет, теперь уже нет, не надо себя обманывать. Ты просто гостья здесь, ты никто. Она не твоя – эта такая знакомая, манящая страна, со своими запахами, морем, горами в утренней дымке, красками без полутонов.

Вера встала очень рано, специально завела будильник, но проснулась еще до того, как он ее разбудил. Завтрак начинается с восьми, ложатся обитатели отеля, судя по вчерашнему вечеру, поздно, так что вряд ли сейчас кто-нибудь помешает ей побыть в одиночестве и нарушит ее планы.

Планы! Как громко сказано! Разве это план – просто выйти из гостиницы, пойти не на пляж, а совсем в другую сторону, в город, туда, куда редко забредают туристы, которым лишь бы солнце светило да море плескалось, выйти и идти куда глаза глядят?! Идти и глядеть этими глазами – в никуда и на все сразу: на дома, и на смуглых людей, и на узкие улочки, поднимающиеся в гору, на крошечные лавчонки, перед которыми по утрам непременно моют тротуары, и на дальние горы, голубовато-зеленые, похожие на задремавших когда-то давно динозавров.

Когда-то она уже видела все это, как же давно это было! Сколько же... почти двадцать лет? Да нет, не может быть! Вера привычно подсчитала: университет она закончила в восемье-

сят седьмом, а уехала через несколько месяцев, в восемьдесят восьмом. Была весна, холодный и сыкатный московский март, после которого весенняя Анкара, куда они прилетели, показала- лась просто раем. Потом она узнала, что март здесь – чуть ли не самый холодный месяц и что в Турции есть места, куда больше похожие на рай, чем их стремящаяся выглядеть современно и по-европейски столица.

И вовсе не двадцать, поменьше! Но как все похоже, господи! Тогда она тоже смотрела на горы и все эти экзотические красоты, а жила воспоминаниями. Это сейчас смешно: какие воспоминания у двадцатидвухлетней девчонки, а тогда все воспринималось всерьез.

Она приехала в Турцию с мужем, как тогда говорили, в качестве «члена семьи», и ей было абсолютно все равно, куда и зачем она едет. Эта поездка, с таким трудом организован- ная для недавнего выпускника ИСАА – Института стран Азии и Африки, поездка, за которую шла настоящая борьба в Госкомитете по экономическим связям, поездка, означавшая для них, молодой семьи, работу на несколько лет, деньги если не совсем в валюте, то в чеках Внешэко- номбанка, возможность купить машину или квартиру, пользоваться престижными магазинами «Березка», то есть, по всеобщему мнению, полное и абсолютное советское счастье.

Вере было все равно. Зачем ей чеки и «Березка», вступление в кооператив и советское счастье, если обычного, человеческого счастья у нее нет и быть не может!

А счастья не было.

Она чуть не испортила все дело, с таким трудом организованное и зависящее от многих людей, и не потому, что она не хотела ехать, или не понимала важности этой поездки для мужа, или желала испортить его только начинающуюся карьеру, – нет, ни подобных, ни каких-либо других соображений у нее не было, просто ей было все равно. И она искренне повеселилась, когда их с мужем, уже собравших целую гору документов и прошедших десятки инстанций, пригласили для последнего инструктажа в тяжелое, неприятное здание того самого комитета по экономическим связям, который ведал подобными назначениями. Этому собеседованию придавали огромное значение: как же, переводчик, выезжающий в капстрану, должен же он получить последнее напутствие от Большого брата, а то не дай бог, наговорит чего-нибудь не того жителям капиталистического рая, и они составят неверное представление о советской действительности и об обитателях другой части земли.

Серый молодой человек в сером, хорошо сидящем костюме (где он его взял, интересно, подумала Вера, столкнувшись с проблемой поисков чего-нибудь приличного перед недавней свадьбой), весь лоснящийся и ставший почти перламутровым от сознания собственной важ- ности, произнес небольшую преамбулу о достойном и недостойном поведении по ту сторону занавеса, о необходимости сохранять, несмотря ни на что (интересно на что, подумала Вера, на витрины, что ли? тогда «не смотря» раздельно!), коммунистические идеалы, о чем-то еще слышанном с детства, привычном и скучном.

Шел, вернее, только начинался восемьдесят восьмой год, занималась заря нового цар- ствования, назревала очередная оттепель, о многом на кухнях говорили уже смелее, а ино- гда произносили и такое, что пару лет назад казалось бы страшной крамолой, все пытались осмыслить, что же есть эта таинственная гласность и где ее границы, – но система, хорошо выстроенная, добротная, старая система работала по-старому, разве что серые молодые люди сделались чуть осторожнее, любезнее и молчаливее: мало ли что, неизвестно, чем это все обер- нется. Серые люди постарше снисходительно улыбались, будучи уверены, что уж их-то системе ничего не грозит при любом ветре, ибо систему стоили так, что за десять лет не разрушишь, особенно ветром, – а там, кто знает, да и нам уж на пенсию.

«Особое значение, – и Вера вздрогнула, поскольку унеслась мыслью далеко, вполне рав- нодушная к серому молодому человеку и его словам, а тот повысил голос и смотрел прямо на нее, словно угадав в ней слабое звено в этой цепочке, – особое значение мы придаем мораль-

ному облику советского специалиста за границей, его семейным отношениям, его поведению в те моменты, когда он полагает, что его никто не видит...»

Дальше последовали какие-то скрепленные скрепкой бледно отпечатанные листочки, которые следовало внимательно прочитать и подписать. Это вам – как члену семьи. У молодого человека оказались горячие руки – как это там, пришло ей в голову, горячие руки, чистое сердце, холодная голова? Или наоборот? Холодные руки, горячее сердце, чистая голова... нет, точно не так! Ей стало смешно, и под подозрительным взглядом серого приспешника серых кардиналов Вера сделала вид, что читает.

Зачем? Разве все уже не решено? Разве от этой подписи что-то зависит? Разве можно всерьез воспринимать инструктаж надутого молодого человека? И легкая Верины закорючка с мышинным хвостом появилась на последнем листочке намного раньше, чем предполагалось.

«Уже прочитали?» – позволил себе подобие удивления молодой человек.

«Я филолог, я быстро читаю», – ласково выговорила Вера.

«За границей бывали?» – снисходительно спросил серый юноша, старательно обозначив свое превосходство.

«Да. Там написано, – где уж, вам, нефилологам, внимательно читать, прозвучало в ее ответе, – Болгария и Венгрия, лагерь русского языка, младший преподаватель».

Бывали, видали, и таких, как ты, милый мальчик, слышали. Нам вон даже русский язык, великий и могучий, преподавать позволялось.

«Значит, в капстрану в первый раз!» – широко улыбнулся переигравший ее серый юноша и с улучшившимся настроением продолжил проповедь.

Ни в коем случае не забывать о высоком звании советского человека. Не вступать в несанкционированные контакты. Ни при каких обстоятельствах не давать иностранным гражданам свой домашний адрес и телефон. Не соглашаться на фотографирование. Не позволять себе критических высказываний по поводу социалистического образа жизни в разговорах с иностранцами.

Откуда взяться разговорам, если в контакты вступать запрещено?

«Вы имеете в виду санкционированные контакты? При которых не позволять себе и не давать телефон?» – решила порезвиться Вера.

Любые контакты. Иногда избежать контактов не удастся, и тогда...

«Мы будем молчать», – важно кивнула Вера, поймав осуждающий взгляд мужа.

«Это необязательно», – с легким раздражением отозвался инструктор, сбившийся с мысли. Привык, видно, к подобострастному молчанию.

Поговорив еще минут пять, он вдруг оживился, и в его интонациях появилось нечто человеческое.

«Есть еще кое-что. Поскольку вы едете в Турцию, вы должны представлять себе специфику идеологических условий данной страны. В частности, то, что там запрещена, – он заговорщицки понизил голос, – коммунистическая партия и любая коммунистическая пропаганда».

«О, – приподняла брови Вера, постаравшаяся, чтобы ее междометие прозвучало этаким аглицким „оу“, – как можно?..»

«Таковы их представления о демократии, – важно и печально подстроился под Верины интонации серый юноша. – За то, что можно интерпретировать как коммунистическую пропаганду, предусмотрена высылка из страны. Вас оттуда выдворят в двадцать четыре часа. Уже имеются прецеденты... ваш выпускник, кстати, – обратился он к Верину мужу, чей тоже серый (свадебный и парадный!) костюм, по-видимому, внушил ему доверие. – Решил посетить... разумное, доброе и вечное. За что и поплатился. Подарил, понимаете ли, значок с изображением Карла Маркса какому-то дикому горцу. Нам потом, правда, объяснял, что это был Пушкин! – мужчины вполне солидарно засмеялись. – Дело было в Искендеруне, на самом юге,

им там что Пушкин, что Карл Маркс, что Иисус Христос – все на одно лицо. Их ведь тоже могут посадить за распространение... так что вы уж поаккуратнее».

– Непременно! – с энтузиазмом воскликнула Вера. – Обязательно! Только вот... можно спросить?

Муж занервничал. Он знал любимые Верины подначки, но надеялся, что в честь такого важного дела она воздержится.

– Разумеется, – подбодрил ее инструктор и посмотрел на нее с подобием мужского интереса. Почему-то в это первое время после ее замужества очень многие мужчины смотрели на нее именно так. Что-то раньше подобного не замечалось.

– Видите ли... тут имеется логическое противоречие, – насмешка скрылась в самой глубине наивно распахнутых глаз, – мы не должны позволять себе критических высказываний в адрес социализма, так? Но ведь не критические высказывания могут быть интерпретированы как коммунистическая пропаганда, правильно? Как же быть? – двадцать два года, ах, какая она была самоуверенная и взрослая!

– Вера... Павловна, вы владеете турецким?

– Увы. Только английский, французский, испанский, венгерский, латынь, старославянский...

– Они вам не понадобятся. Особенно латынь и старославянский. Если вы будете вести себя достойно, избегать лишних контактов и всерьез поразмыслите над тем, что я вам говорил о сложности идеологической обстановки...

Избежать контактов не удалось. Вела ли она себя достойно? И когда перед ней всерьез стал вопрос выбора, разве она размышляла над сложностями идеологической обстановки? Господи, как будто мало других сложностей! Особенно когда тебе всего (целых!) двадцать два!

Из Анкары, куда они все-таки попали, несмотря на Верины фокусы, их долго везли на автобусе вместе с инженерами, приехавшими строить здесь какую-то теплоэлектростанцию, на месте они оказались поздней ночью и не увидели ничего, кроме отведенной им квартиры, куда их отвел сонный, специально дожидавшийся их приезда переводчик с английского языка.

– Мы над вами шефствуем, как Тимур и его команда! – торжественно провозгласил он, и Вера с радостью услышала в его интонациях дорогое ее сердцу ерничество. – Завтра все вам покажем, даже уже сегодня. Канистра с питьевой водой на кухне, из-под крана пить не рекомендуется.

– Правда? – испугалась не сталкивавшаяся с житейскими трудностями Вера. – А если выпить?..

– Сразу вы не умрете, – зевнул пожилой вальяжный переводчик и, подумав, добавил: – Но потом обязательно. Спокойной ночи, Верочка, – добавил он, с удовольствием отметив, что его фраза нашла ценителя.

Это его «Верочка» больно отозвалось в сердце, всколыхнув все, что не давало ей покоя долгие три года и несколько стремительно промелькнувших последних месяцев.

Что же она сделала со своей жизнью, господи боже мой?!

И следующие нескончаемые полгода она только и делала, что старалась заглушить этот вопрос, и они тянулись и тянулись, давая почувствовать и почти пощупать каждую минуту и каждое мгновение, она так рассчитывала на все то, что она с восторгом увидела в первое утро: на все эти горы, минареты, кипарисы, яркое небо, яркое солнце... но нет!

Последний университетский год наплывал – ночным кошмаром, обжигающей ледяной волной, не дающей дышать, мучительным запахом цветущих яблонь; не было ничего, кроме этой яблоневого аллеи, которая вела от метро к первому гуманитарному корпусу и которая, как почему-то казалось, цвела и цвела весь этот последний год, словно не было ни осени, ни зимы, ни ранней весны...

Их и правда не было. Яблони зацветали в самом конце мая, даже в начале июня и отцветали с окончанием сессии, – очень короткое, в сущности, время. Но стоило зажмуриться – и вот она, аллея, в вечном цвету.

Они цвели и во время похорон.

Верочка нарочно старалась вспоминать другое время года. Цеплялась за детали: сентябрь, первые дни учебы, новое расписание, новые спецкурсы; декабрь, зачетная сессия, канун нового года, разговоры о дипломе, распределении, госэкзаменах; промозглый февраль, сразу после каникул, март, когда уже не было занятий, можно было просто писать диплом, но она, конечно же, ходила два раза в неделю – как на дежурство, как на свидания... так ведь были же они: сентябрь, декабрь, февраль, март, черт их возьми! Обязаны были быть, как в любом другом году! Но стоило зажмуриться... и аллея...

Значит, не надо зажмуриваться. Верочка не зажмуривалась и смотрела вокруг широко открытыми внимательными глазами – на себя, нынешнюю, в зеркале, на своего мужа, обедающего или читающего газету с толстым словарем, на новых людей, с которыми приходилось общаться, на дальние голубые горы, на зацветающее что-то – ярко-розовый миндаль, бело-розовые персики, желтые мимозы с огромными, пушистыми, не московскими жалкими восьмомартовскими шариками цветов, лиловые и пурпурные бугенвиллии, голубую и сиреневатую лаванду на склонах гор, белые и снова розовые олеандры. Все цвело, все было в весеннем, буйном цвету. Все цвело всеми цветами радуги.

Все, кроме яблонь. Они не желали здесь расти – корявые, разлапистые, бледно и невыразительно цветущие яблони. Они остались там – в воспоминаниях, откуда никак не вырвешься... «или воспоминание самая сильная способность»... нет, только не это!

Главное, не закрывать глаз, смотреть и смотреть вокруг, проще смотреть на вещи, называть их своими именами, готовить обеды, вникать в служебные дела мужа и пустые женские разговоры, заниматься чем-нибудь, чем-нибудь... чем, господи?!

Ну чем можно заниматься, если мысленно каждый день идешь и идешь к первому гуманитарному корпусу и каждую минуту приказываешь себе повернуть обратно?! Брось это, Верочка, он женат, он немолод, ты для него никто, просто перспективная ученица, будущая аспирантка, хватит уже с тебя этих семинаров! Нет, нет, не никто, я же знаю, я чувствую!

Воспоминания распадалась на куски и кусочки, рассыпались, как стеклышки из открытого калейдоскопа. У Верочки был такой в детстве, она любила разобрать его и долго разглядывать каждое стеклышко, чтобы потом, когда они сплетались в геометрическом узоре, прикидываясь витражом в однажды виденной ею англиканской церкви, увидеть в зеркальном обмане правду: вот он, осколочек зеленого стекла, наверное от бутылки; вот и другой, неизвестно откуда взявшийся, темно-рубиновый, почти треугольный; вот янтарно светящийся обломок прозрачной желтой пуговицы; вот два синеньких стеклышка, она сама нашла их, ковыряя палочкой пыльную землю во дворе.

Воспоминания распадалась на такие же осколки, Верочка очень хотела увидеть их простыми стеклышками с неровными краями, не имеющими никакой цены, жалкими останками бутылок, пуговиц, пузыречков от лекарств, но они упорно складывались во фрагменты некогда виденного ею разноцветно-прекрасного витража в англиканской церкви; их волна накрывала ее с головой, мешая готовить обеды, мешая не плакать, мешая дышать. Она сделала все, что могла, чтобы избавиться от наваждения: она перестала ходить в первый гуманитарный корпус, она вышла замуж, она не пошла на похороны, она уехала в другую страну.

Она все сделала правильно и разумно, она шагнула в новую жизнь с широко открытыми глазами. Перед которыми, если их закрыть, тут же встают цветущие яблони.

Что она получила в результате своих разумных поступков?

Неразумные затягивающие воспоминания – и все. Здесь и сейчас происходило что-то: муж работал, брал переводы домой, она изо всех сил старалась ему помочь, лазила по словарям,

женщины сплетничали, начальство делало и говорило что-то, но Верочки здесь не было. Она вся была – там и тогда, а не здесь и сейчас.

«Или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?» – магия пушкинской фразы не существовала для нее сама по себе, она тоже была воспоминанием: это был его голос, его интонация, его умелые, по-актерски отделанные паузы. И им очаровано все, что подвластно ему, – Верочка была очарована и подвластна. Им и ему, а здесь и сейчас – воспоминаниям о нем.

И вот опять. То же чувство, называемое дежа-вю.

Она снова в воспоминаниях, снова не может спокойно насладиться тем, что есть здесь и сейчас, снова думает о мужчине, которого могла бы любить, которого даже любила уже, но которого заставила себя забыть.

О первом она теперь вспоминала без боли. Нет, правда, ну что это за любовь, если он на двадцать лет старше, женат и тяжело болен, о чем Верочка, правда, долго и не подозревала. Что могло из нее получиться, из этой платонически-романтической ерунды, которую она вбила себе в голову? Гимназистка, влюбившаяся в учителя словесности, не более того. Разве можно сравнить?

Второе давалось с трудом. Он был неотделим от всего этого – моря, солнца, гор, буйства красок, этого особого запаха цветов и бриза, он появился в ее жизни вместе с этой страной, он вылечил ее, он вытеснил все осколки воспоминаний, – неужели же только затем, чтобы самому превратиться теперь в воспоминание?

Но теперь она не даст воспоминаниям взять верх над ней. Она совсем другая, она наконец-то решила не жить вчерашним днем, съездить в эту Турцию, где уже перебивали все друзья и знакомые, а то, что было, – с этим она как-нибудь справится. Не двадцать два года все-таки!

Она приехала сюда, чтобы разобраться в себе. Чтобы убедить себя, что нельзя жить одними сожалениями, чтобы почувствовать, что она может спокойно войти в это дивное турецкое море – во второй раз. Но уже вчера, в самолете, увидев внизу черепичные крыши, она поняла, что лгала себе.

Она ехала сюда не за этим.

Она ехала, чтобы... нет, это, конечно, абсурд – через столько лет... у него давно своя жизнь... наверняка жена и куча детей... и что тебе вздумалось искать его в Анталии, почему именно здесь... и даже если – он давно и думать забыл... и потом у тебя ни адреса, ничего... и даже если бы был... нет, даже думать не о чем!

Она ехала, чтобы второй раз войти в эту реку.

В которую не входят дважды.

Нет, не было ни малейшей вероятности, чтобы он вдруг оказался в Анталии, но, сходя по трапу, ожидая багаж, отдавая двадцать долларов за визу, садясь в автобус, Вера вглядывалась в каждое смуглое лицо, вызывая то белозубые доброжелательные улыбки, то весьма двусмысленные взгляды, и вздрагивала от возможности узнавания, и ругала себя, и повторяла, что нет ни малейшей вероятности!

Она пойдет в город. Рано утром, как и мечтала. Не на пляж, где нет никого, кроме наших туристов и obsługi, а в город, по узким улочкам, которые наверняка здесь есть, к веселым смуглым людям, живущим под этим слишком горячим солнцем, – и это утро, со всеми его запахами, красками и звуками, будет принадлежать только ей!

Нет, не только. Оказывается, не одна она поднялась в такую рань.

Со стороны пляжа энергично шла немолодая женщина в ярко-малиновой купальной шапочке. Вера узнала одну из двух дам, к которым ей пришлось подсесть вчера за ужином... как же ее звали... из головы вылетело. Приятельница называла ее как-то забавно – Елечка, что ли? Кажется, она Елена... Подсаживаться было неловко, но Вера не могла позволить этому навязчивому типу испортить себе еще и вечер, как он испортил ей все впечатления от долго-

жданного полета. Только такого поклонника ей не хватало, одна фамилия чего стоит! Дамам она сказала правду – не потому, что была настолько правдива, просто в тот момент не могла придумать ничего более убедительного, чем правда, а дамы показались ей интеллигентными и любезными.

Таковыми они и оказались. Весьма убедительно сделали вид, что рады Вериному соседству, болтали с ней, как со старой знакомой, рассказали об отеле и о том, что, где и как... точно, одна еще посмеивалась над встающей ни свет ни заря подружкой, которая должна, видите ли, совершать свой заплыв в одиночестве.

«Это у нее вместо секса! Любовь с морем! И чтоб никого! И это когда вокруг столько красавцев, мигни только... правильно, Верочка? Ладно, девочки, я вас оставляю, мой красавец меня заждался! Очень удачно, что вы составите Елечке компанию!»

Женщина сняла шапочку, и Вера поняла, что ошиблась. У ее новой знакомой были средней длины, крашенные хной, рыжие волосы, а из-под этой шапочки блеснул коротко стриженный серебряный ежик.

Господи, да что же это такое?! Что со мной творится, в конце-то концов?! Вчера готова была в каждом турке узнавать того... того, кого хотелось узнать, теперь вот приняла совершенно незнакомую женщину за соседку по столу! И в баре вечером – очередная галлюцинация!

Его здесь нет и быть не может, не придумывай ничего, ты и так себе много чего напридумывала – всю жизнь!

Верочка бросила дежурный взгляд в зеркало, схватила приготовленную с вечера шелковую рубашку, которую собиралась накинуть поверх открытого сарафана, чтобы уберечь слишком белую, никогда толком не загорающую, но всегда обгорающую кожу на плечах, и вышла в мраморно-ковровый коридор.

5

Отель еще не проснулся.

Коридор был пуст, нигде не открывались двери, никто не ждал лифта. Впрочем, кто их знает, может, у них тут всегда так. Хотя вчера вечером ей не показалось, что здесь не хватает постояльцев.

В пустом, приятно звякнувшем, возвестив о своем прибытии, лифте, Вера улыбнулась своему отражению и постаралась запомнить это ощущение. Ну и что, что скоро сорок, ну и что, что ты вечно одна, разве это не счастье – снова оказаться в Турции, в шикарном отеле, среди сверкающей чистоты, ковров и зеркал, у моря? И сама ты еще очень ничего, никто не даст и тридцати пяти, и возраста своего ты не чувствуешь, и сейчас окажешься среди всех этих так одуряюще пахнущих цветов, и пойдешь в незнакомый город!

– Good morning... э-э-э... добро утро! – встрепенулся удивившийся при виде ее портье, которому она отдала ключ. Он поспешно изобразил любезную улыбку и, похоже, собирался сказать что-то еще, но то ли не мог решить, на каком языке к ней обращаться, то ли не сумел быстро подобрать немногочисленные известные ему русские слова. Но Вера не стала дожидаться.

– Добро утро, – уже с другой интонацией торопливо выговорил ей в спину портье. Кажется, у них тоже, как в английском, вспомнила она: «добрый вечер» и «доброе утро» можно использовать и для приветствия и для прощания.

Перед этой поездкой Верочка наскоро полистала словарь. Кое-что вспомнилось, не даром она просиживала все вечера, помогая мужу готовить обзоры местной прессы и обязательные политинформации, да и способностями к языкам бог не обидел. Как переводчик-профессионал, каким ей удалось стать в последние, посвященные исключительно работе годы, она презирала людей, не знающих ни слова на языке той страны, куда они собрались ехать. Спору нет:

существует почти повсюду победивший английский (которого, впрочем, некоторые тоже ухитряются не знать!), немецкий и французский для не слишком любящей инглиш Европы, – но разве у нас в России каждый продавец, шофер такси или просто прохожий непременно говорит на этих языках? Да нет, конечно! Почему же мы ожидаем этого от жителей тех стран, куда отправляемся?

В свое время Вера была единственной студенткой, кто перед отправкой в Венгрию удосужился в течение нескольких месяцев позаниматься венгерским. Зачем, недоумевали сокурсники, мы же будем их учить русскому, по идее они должны его знать. Ну и что, спорила Вера, а магазины, а прогулки, а вдруг тебя что-то спросят, да и вообще, это неуважение к стране. Венгерский, оказавшийся весьма трудным языком, принадлежал к финно-угорской группе и потом основательно помог ей в знакомстве с турецким. Их грамматические системы были похожи, и через месяц-другой она могла вполне сносно не только спросить что-то на рынке, но и понять ответ.

Энвер, правда, говорил по-английски. Да если бы и не говорил...

Им вовсе не были нужны никакие разговоры, хотя Вера никогда не верила, что так бывает. Точнее, верила, но презирала подобные отношения, считала их чем-то низким, сугубо физиологическим и для себя абсолютно невозможным. Все ее любви были так или иначе основаны на словах, окружены словами и зависели от слов.

Как первая, теперь кажущаяся несерьезной, а тогда просто убийственно серьезная влюбленность в талантливого профессора, так и полулюбовь-полудружба, связавшая ее с теперь уже бывшим мужем, – обе они питались тем, что было кем-то кому-то сказано, как и в каких выражениях сказано. Конечно, подтекст тоже учитывался – но, как ему и положено, не существовал в отрыве от текста.

Вера никогда не думала, что сможет потерять голову настолько, что в ней не останется никаких слов.

Не останется даже потребности в словах.

Энвер говорил, что влюбился в нее сразу, как только увидел: длинное, с оборками платье в горошек, каких давно никто не носил в Турции, советский дефицит, пошитый в Польше, единственное, которое она могла надеть в наступившую уже в мае жару и которого безумно стеснялась, напомнило ему какие-то старые фильмы, волосы, которые она в тот день вообще не расчесывала, романтически развевались по ветру и казались ему светлыми, мягкими и красивыми... и вообще!

При чем тут платье или волосы, когда перед ним была женщина его мечты!

Все было так стремительно, что ни один из них не успел ничего обдумать, отдать себе отчет, облечь в слова. Тогда стало понятно, что слова – еще не все, слова – лишь часть нашей жизни, и, может быть, не самая важная ее часть.

Тем не менее все рассыпалось из-за слов. Из-за тех, что были сказаны, казалось бы, забытым серым молодым человеком за толстой дверью без надписей, и тех, что не были сказаны Верой.

Теплый воздух рванулся ей в лицо, едва раздвинулись двери отеля. Снаружи было теплее, чем в замученном кондиционерами помещении, и пахло, как из открытого окна. Она пойдет в город, она будет смотреть и вспоминать, она сделает так, чтобы воспоминания не отравляли ее жизнь, а украшали ее.

Разве не для этого она здесь?

Вера быстро пробежала территорию отеля – хорошо организованный рай в миниатюре: ни соринки на гладких дорожках, ухоженные газоны, продуманные цветники и альпийские горки, идеально подстриженная зелень.

На самом деле, в августе никакой зелени, кроме маслин, пальм и кипарисов, в Турции уже нет, и, чтобы сохранить ее, люди тратят массу усилий. Дешевый труд садовников, дорогая

пресная вода, несколько наскоро обученных ландшафтных дизайнеров – и, пожалуйста, получите свои английские газоны и альпийские луга, и что бы вам не принять нас в Объединенную Европу без всяких оговорок?

Трава на воле выгорает уже к июню. Они видели эти желтые, безлюдные равнины и тоже желтые, только с темно-зелеными пятнами каких-то никогда не выгорающих колючих кустарников, горы с самолета, и все удивлялись этой желтизне, которой вовсе не было на рекламных проспектах, и, посоветовавшись, пришли к утешительному выводу, что это, скорее всего, пшеница... или что там у них... это же сельскохозяйственная страна... конечно, конечно.

– Пшеницу убрали уж давно, – насмешливо, но негромко, чтобы не бросать вызов общественному мнению, проговорила сидящая через проход Алла. – А на горах этих – какая пшеница? Там же камень, а не почва!

– Здесь вам не равнина, здесь климат иной! – весело подхватил ее сосед и, ожидая поощрения, поглядел на Веру.

Вообще, полет не задался с самого начала. То ли из-за того, что Вера слишком много мечтала о том, как она полетит, и о чем будет думать, и как оно все будет, то ли – и Вера склонялась к этому варианту – из-за этого самого соседа.

Их места оказались рядом: Вера у окошка, как и обещала милая девушка на регистрации, а он рядом с ней. Она не обратила бы на него ни малейшего внимания, кроме разве что требуемого элементарной вежливостью, но это оказалось абсолютно невозможным делом.

– Очень рад! – провозгласил он, едва выяснив, где его место. – Значит, есть все ж таки правда! Она не обманула меня, эта девица! Я просил, чтобы меня посадили около этой женщины с потрясающими волосами, и вот вы рядом со мной! Разрешите представиться: Валерий!

– Очень приятно, – промямлила Вера. Куда оно ушло – ее юное умение находить быстрые слова, какие-то острые, ироничные ответы? Теперь она была совсем другой, научилась молчать, когда нужно и когда не хочется обижать людей, научилась бросать свои резкие реплики только мысленно, а постепенно разучилась реагировать на хамство, бесцеремонность, невежливость. Все нужные или возможные слова приходили к ней теперь слишком поздно, и, иногда вспоминая свое поведение лет двадцать-пятнадцать назад, она с отстраненным удивлением думала: неужели это была я?

– Это замечательно! Замечательно, что вам это приятно! – похоже, этот человек просто не умел произносить фразы без восклицательных знаков. Вера даже взглянула на него, и не без легкого интереса: надо же, как, оказывается, можно интерпретировать ничего не значащий, банальный ответ. – А как мне к вам обращаться, позвольте спросить?

– Вера.

Она не смогла уклониться от такого прямого бесцеремонного вопроса, постаравшись лишь вдохнуть в интонацию столько холода, сколько его нашлось и всегда находилось для таких вот весельчаков и балагуров. Вера терпеть не могла подобных типов и понимала, что полет, похоже, будет безнадежно испорчен. Можно было бы добавить отчество – для установления дистанции, но, с другой стороны, он непременно вцепился бы в такую возможность поддерживать разговор. Не обошлось бы без пошлых комплиментов, замечаний и вопросов о возрасте и профессии – господи боже мой, проще просто сказать ему имя!

– Это прекрасно! – с удивившим даже ожидавшую чего угодно Веру энтузиазмом воскликнул Валерий. – И я потом объясню вам – почему!

Он наконец-то справился с укладыванием своей сумки где-то над Вериной головой и опустил в кресло рядом с ней. Вера достала книгу и решила, что этого будет достаточно для пресечения дальнейших поползновений. Вообще-то, читать не хотелось. Тем более что и книги она взяла только такие, которые следовало прочесть для работы, а значит, надо было читать внимательно, не отвлекаясь на всяких навязчивых незнакомцев.

– Это положительно судьба! Вера – это великолепно! Я уж не говорю о ваших волосах!

Вот и нечего о них говорить – мысленно ответила Вера. Волосы как волосы: умеренно светлые, но не так чтобы очень, довольно длинные, но заколотые кверху, так что длины не разберешь, волнистые благодаря хорошо сделанной химии – вот, собственно, и все.

– Так вот, Верочка! – уже «Верочка», и никакой книгой его не проймешь!

– Извините, пожалуйста, – прозвучал спасительный голос из прохода. – Вы не могли бы?..

– Да-да, разумеется! – мгновенно поняв, в чем дело, Вера стала поспешно подниматься.

– Я их специально просила, девушек на регистрации, чтобы рядом, а они... спасибо вам большое, – улыбалась молодая женщина, стоявшая в проходе с маленькой девочкой на руках. – Сколько летаю – первый раз такое. Чтобы ребенка отдельно посадили... все, все, малыш, сейчас будешь у окошка... нам вот эти места достались... одно через проход...

– Не переживайте, сейчас все устроим! – быстро перехватил инициативу Валерий. – Я, конечно, лишаясь очаровательной Верочки, но дети – это святое! Давайте-ка вашу сумочку... не надо наверх? Хорошо, тогда сюда... Верочка, не убегайте, нас с вами будет разделять лишь проход... я с краю сяду... а вот так вы с мамочкой... Валерий... Алла? Очень рад...

Он говорил что-то еще, но Вера решила, что главное – не обращать на этого типа внимания. Такие, как он, чахнут без поощрения или того, что они готовы принять за таковое. Оказавшись в кресле у прохода возле семейной пары средних лет, она слегка пожалела об отданном окошке, – а впрочем, этот Валерий все равно не дал бы ей спокойно смотреть в него.

Вера снова открыла оставшуюся в руках книгу, но почему-то невольно краем глаза наблюдала за занявшей ее место женщиной. Высокая, худая, около тридцати, не красавица, но очень привлекательная, косметики в меру, светлый костюм чуть наряднее, чем обычно надевают в дорогу. Она устраивала дочку, доставала ей какие-то игрушки, потом села сама, небрежно засунула посадочные талоны в сетку расположенного впереди кресла, сверкнув при этом множеством колец и звякнув браслетами на запястье.

Вера неосознанно повертела единственное колечко, которое она много лет носила, практически не снимая и не задумываясь, нужны ли ей другие. Наверное, все дело в волосах, подумала она, поймав себя на странно-неприятном чувстве. Волосы у этой Аллы были именно такие, какие Вере хотелось иметь всю жизнь. И какие она, в конце концов, себе создала. Только у Аллы они были вызывающе настоящими – уж в этом Вера разбиралась. Легкая волна начиналась прямо надо лбом, как у самой Веры бывало только сразу после очередной долгоиграющей завивки, и продолжалась до самых кончиков. Вились и коротенькие прядки у висков и около шеи, этого тоже добиться можно, но не от каждого мастера, да и держится эта красота недолго. Алла, словно почувствовав ее взгляд, подняла руку к волосам и привычным жестом отбросила их назад, снова сверкнув чем-то бриллиантово-золотым.

Чтобы избавиться от мыслей об Алле и не слышать непрерывно говорившего Валерия, Вера достала карандаш и нашла абзац, на котором остановилась.

«Она, как обычно, растерянно смотрела из-под очков на все происходящее и, казалось, знает больше, чем все остальные» – разве так можно?! И куда, спрашивается, редактор смотрел? «Она... смотрела и, казалось, знает» – неужели не режет слух? Вера быстро сделала привычную пометку: либо изменить время второго сказуемого на прошедшее, либо использовать «и казалось, что». Слава богу, после моих переводов никто ничего не должен редактировать!

– Вовсе нет! С чего вы взяли? – кокетливым тоном говорила Валерия его новая соседка. – Мало ли где у меня кольцо... ну и что?.. Да нет же! Просто у меня муж – турок, а в Турции на правой руке носят кольца после помолвки, а после свадьбы на левой, вот и все.

Вера мгновенно забыла свои редакторские изыски. Не отводя глаз от книги, она обратилась в слух. Неугомонный Валерий, кажется, вытащил ее посадочный талон.

– Так, значит, Акбар – это фамилия? Замечательно!

– Особенно в сочетании с именем, – подхватила Алла. – К полному восторгу мусульманского мира! Хотела даже девичью оставить, но там сплошные шипящие, с написанием заму-чаешься.

– Да, Алла Акбар – это лихо! Как там дальше: и Магомет – пророк его?

– Нет, это после «нет бога, кроме Аллаха». Но я, честно говоря, не особо вникала.

– А как же грозный турецкий муж? Не заставляет в мечеть ходить и чадру носить?

– Как видите, нет. Да и вообще... никого это не волнует. Я в Измире живу, у нас там почти Европа.

– А в Анталию, значит, отдыхать? Как весь бывший советский народ?

– Отдыхать. В Москве купить такую поездку гораздо дешевле, чем лететь из Измира или местный тур покупать.

– Да что вы? Как интересно! Слышите, Верочка?

Интересно Валерию было все. Поэтому заняться чтением Вере больше не удалось. Алла со странной словоохотливостью и открытостью отвечала на его многочисленные и назойливые вопросы, от Веры периодически требовалась какая-то реакция, собственные столпившиеся в беспорядке мысли тоже мешали, – и три часа полета тянулись, как все десять.

– Так вас не притесняют? Родня там всякая?

– Да что вы! Они нормальные люди, это все мифы какие-то! Не знаю, может, в деревне где-нибудь весь этот домострой еще и существует, но я лично ни с чем таким не сталкивалась. Одна моя приятельница, правда, попала, но там другая история... Майка все с золовкой мучилась, та ее доставала жутко, а потом оказалось, что она просто больная... психиатры потребовались, чуть ее не отравила, представляете?! Но это клиника, Турция тут ни при чем! И вообще, в последнее время иметь русскую жену даже весьма престижно.

– Да уж, я думаю! Наши женщины самые красивые – стоит только на вас с Верочкой посмотреть!

– Да не в красоте дело! Турчанки тоже красивые бывают, просто они... как бы это объяснить... ну они либо все в кухне и детях погрязли, либо, наоборот, все из себя современные, от косметологов и парикмахеров не вылезают, сами квартиру убрать не могут, карьеру делают. А русская жена – это... «все включено», как в нашем отеле! Мы же как привыкли – все умеем, все успеваем, и в люди нас вывести не стыдно, и денег на нас не так много надо. Знаете, как в старом анекдоте: и с этой лошадью вы еще и спите?! Только с этим у нас теперь тоже все в порядке...

Они смеялись.

Как же все изменилось! Она ошиблась, жестоко ошиблась, она думала, что мир никогда не изменится, она боялась жизни, боялась молодых людей в серых костюмах, боялась всего, несмотря на надеваемую маску бесстрашия и дерзости, – а, оказывается, все было так просто. Уже через несколько лет это стало так просто – ни запретов, ни серых костюмов...

Вера закрыла глаза, чтобы спрятаться от этих разговоров. Почему она должна это слушать? Однако уши заткнуть было невозможно, и она узнала, что Валерий, Алла с дочкой и она отдыхают в одном отеле, только к Алле дней через десять присоединится муж, и они решат, остаться в Анталии или поехать еще куда-нибудь. Потом приносили еду, Алла отвлеклась на ребенка, а Валерий вновь переключился на разбуженную ради обеда Веру.

– Знаете, Верочка, почему я говорил, что это судьба? Когда только с вами познакомился?

Господи, можно подумать, он с ней познакомился полгода назад! Двух часов не прошло, между прочим!

– Все дело в моей фамилии! У меня редкая и звучная фамилия!

За окошком уже виднелась желтизна, сменившая синеву моря, но уставиться в окно, отвернувшись от Валерия, было неловко, потому что ее немолодые соседи еще не закончили обедать, притвориться, что ли, мгновенно уснувшей? Что ей за дело до его фамилии?! Бывают

же такие типы! Ведь вроде и неплохой мужик, и не без образования, судя по его, хоть и вычурной, но все-таки грамотной речи, а вот поди ж ты!.. Вера ненавидела эти замашки массовика-затейника, эту уверенность в том, что женщина без обручального кольца или с кольцом не на той руке непременно окажется легкой добычей...

– Украинского происхождения! – говорил между тем Валерий. – И Вера, между прочим, просто дивно сочетается... как и Валера! Так что это судьба! Жизнь еще не сталкивала меня ни с одной подходящей Верой, кроме моей собственной матушки! Она тоже была Вера Мегера...

Вере стало смешно. Это еще что за фрейдизм наоборот? И при чем тут имя «Вера»? Наверное, она что-то прослушала.

– Она и меня назвала, чтобы хорошо звучало. Валера Мегера!

– Так Мегера – это фамилия? – ему наконец-то удалось ее заинтересовать.

– Ах, Верочка, а о чем я вам толкую?..

Нет, ну почему книжные и киношные героини в таких ситуациях всегда находят какие-то ловкие и звонкие ответы? Вера изо всех сил старалась не засмеяться. Валера Мегера – надо же! И ведь всерьез рассуждает над переменной ее фамилии! Нет, от него надо отделаться, раз и навсегда!

Вчера вечером ей это удалось. Сегодня она вышла совсем рано, будем надеяться, что он поймет это правильно и отстанет.

Вера надела свою шелковую рубашку и пожалела, что не взяла и шляпу. Думала, что в это время солнце еще не очень опасное. Семь утра... нет, это в Москве семь, она не перевела часы, здесь, значит, шесть – какое солнце?

Но оно светило вовсю, и море уже не казалось полосатым, оно было сверкающе бесцветным, как попавшее на солнце зеркало.

Вера зажмурилась, с удовольствием почувствовала на руке капли от поливающего газон вращающегося фонтанчика, отвернулась от моря и отправилась на встречу с городом.

6

– Она русская.

Озгюр вздрогнул и вскочил из-за компьютера. Недовольный голос управляющего отвлек его от примитивной игры – что ж поделаешь, если других здесь нет? И что за манера вечно подкрадываться? Не зря его предупреждали, когда он только начал работать! Он тогда посмеялся, думал: девчонки с кухни преувеличивают.

– Да, Латиф-бей, я понял.

– Не сразу. Иначе не полез бы со своим английским. Я не держу персонал, который не может отличить одного клиента от другого.

– Да, Латиф-бей, но она... я ее первый раз видел, и она похожа на англичанку. Рыжая, и кожа...

– Второй. Ты видел вчера всю группу, а их было не так много. Англичан сейчас у нас нет, здесь тебе не Дидим, где они на каждом шагу. Мне все равно, кто твой дядя и где ты учишься, но если ты проходишь практику у нас в «Ренессансе»...

К сожалению. К сожалению, он ее проходил. Какого черта, спрашивается?! Можно подумать, тот же дядя не найдет ему работу, когда через два года он закончит университет! Нет, надо ему все по правилам, черт бы побрал это безумное поколение! Если ты собираешься заниматься менеджментом, ты должен изучить дело на практике, а не только по своим иностранным книжкам! Если ты хочешь стать хорошим специалистом, ты должен начинать с самой нижней ступеньки! Если ты хочешь получить хорошую работу в приличной фирме, ты должен иметь стаж! Должен, должен, должен!

Как будто он не знал, как это делается! Все его приятели благополучно отсиживались под крылышком у родителей или знакомых родителей, получали какую-то зарплату, никто и не заикался ни о стаже, ни о нижних ступеньках, ни о прочей правильной ерунде.

Вот и этот туда же! Если ты работаешь в этом хваленном «Ренессансе» – ты должен узнавать национальность каждого поганого туриста в радиусе одного километра, даже если он не сказал ни слова! Как же он их ненавидел, этих туристов! Так же как и лакейское подбострастие управляющего. Как будто не все равно: они так и так понаедут сюда, хоть по-китайски с ними здоровайся!

Эта рыжая или почти рыжая, вскочившая ни свет ни заря, была, и правда, похожа на англичанку. К тому же многие русские неплохо говорили по-английски и отнюдь не возмущались, когда их принимали за англичан или немцев. Как эти две девицы, весь вечер строившие ему глазки. Так и представились: Джулия и Кейт, хотя по-русски эти имена, кажется, звучат по-другому. Интересно, если он проходит практику в этом их...хваленном «Ренессансе», он и на это не имеет права? Ну уж нет, хороши обе, как с картинки в «Пентхаузе», и сразу видно, что с такими очень даже можно... в Дидиме, где он проторчал все прошлое лето, были сплошные англичанки, они-то всегда на все согласны, только мигни, но они или страшны, как атомная война, или блеклые какие-то, вроде этой выходившей тетки...

– Только для работы! А ваши компьютерные игры можете засунуть... ты меня слышишь? Ни одному стажеру не позволено находиться у компьютера портье и раскладывать пасьянсы!

– Между прочим, Латиф-бей, я выполнил функции этого самого портье, взял у русской мадам ключик и сделал ей любезную морду. А самого портье что-то не видно. А если он работает в «Ренессансе», то должен даже в туалет ходить у стойки, правда?

Прищуренные глаза управляющего злобно сверкнули.

– Ты что это себе позволяешь? Мальчишка! Думаешь, твоему дяде понравится, если я тебя выгоню? Или ты думаешь, я его боюсь?! Я уже сказал: мне плевать, кто тебя сюда прислал и почему! Мне такие работники не нужны! Твой дядя, между прочим, сам начинал с низов, так что он скорее поддержит меня, чем тебя!

Озгюр уже собирался послать этого зануду куда подальше – нет, ну сколько можно: да, Латиф-бей, конечно, Латиф-бей, хуже армии! – как лицо управляющего приняло совершенно другое выражение. Спиной он их чувствует, что ли, этих туристов?!

– Простите, Латиф-бей... вы сказали: она русская?

Обрадовавшись возможности отвлечься и избежать не такого уж и желанного конфликта, Озгюр посмотрел на подходившего. Свой, не иностранец – это понятно, но вот кто он такой? Латиф, небось, хоть среди ночи разбуди, сразу скажет: в каком номере, на сколько прибыл, сколько чемоданов привез, что вчера на ужин ел.

– Как ее зовут, вы не подскажете? Видите ли, Латиф-бей... – говоривший помедлил, словно понимая, что его вопрос может показаться странным. Он явно чувствовал необходимость дать какие-то объяснения, но то ли не мог их придумать, то ли колебался, стоит ли вообще что-то объяснять.

Управляющий молчал, всем своим видом показывая, что перебивать клиента он не станет, и чувствуя себя хозяином положения. Озгюр усмехнулся про себя. С Латифом так нельзя – неужели этот тип не понимает? Живет в пятизвездочном отеле, майка мятая на сотню зеленых потянет – и так разговаривает! Словно одолжения просит. Сейчас Латиф его отошлет, только так!

– Мне кажется, мы раньше встречались... я был знаком с ее мужем...

– Энвер-бей, не поймите меня неправильно, мы не даем справок о клиентах. Если вы знакомы с этой дамой, вы можете обойтись без моего посредничества, не так ли? Представьте себе, что кто-то начнет наводить справки о вашей супруге, разве вам это понравится?

Теперь и Озгюр вспомнил, как не вспомнить. Супруга этого господина раза четыре жаловалась на официантов, и Озгюру при его весьма неопределенных обязанностях стажера пришлось разруливать ситуацию. То ей подали грязный стакан, то положили слишком много льда, то дует от кондиционера, то еще что-то. Та еще дамочка: наряды по пять раз в день меняет, украшения тоже, маникюр такой, что руками, наверно, и пошевелить невозможно, вся из себя гладкая, ухоженная, избалованная. Поневоле начнешь к русским туристкам приглядываться!

За стойкой уже появился портье, и Озгюр изобразил вежливый уход со сцены. Пока управляющий занят объяснениями, можно потихоньку слинять. Может, он потом еще будет портье нагоняй давать за отлучку, а про Озгюра забудет. Жаль, нигде компа свободного нет, ни пообщаться ни с кем, ни поиграть, ничего! Практика с нижней ступени, будь она неладна!

Оглянувшись от двери, он встретился взглядом с так и не получившим ответа от Латифа туристом и понимающе улыбнулся. В глазах у того мгновенно вспыхнул интерес. А почему бы нет? Энвер, кажется? Почему бы не помочь мужику, особенно если не даром? Латиф пронюхает – убьет, а как он пронюхает, спрашивается?

– Русская, – ответил он теперь уже своему личному клиенту, подождав его в конце коридора и положив в карман какие-то купюры. – Имя и номер я выясню минут через десять, иначе управляющий поймет, в чем дело. Мне это как минимум грозит увольнением.

Озгюр сделал озабоченное лицо карьериста, поставившего под удар свое будущее. Пусть знает, как все сложно, в следующий раз побольше бумажек притащит.

А ему, похоже, позарез нужна эта бледно-рыжая русская кукла, вон как смотрит!

– Я поднимусь в номер, а минут через двадцать спущусь в бар.

– Хорошо, господин Энвер. Все будет в порядке, не волнуйтесь. В бар на террасе, – уточнил он на всякий случай.

Что ж, неплохая практика, решил Озгюр, когда после поспешного ухода клиента развернул сунутые ему деньги. Надо будет присмотреться к этой русской и вообще – к развитию событий. Глядишь, скоро жене этого господина понадобится какая-нибудь информация.

Или утешение. Что тоже неплохая... практика!

7

Их номер, разумеется, был одним из лучших. Не президентский, конечно, на такие безумные и бессмысленные траты Энвер ни за что бы не согласился, но один из нескольких «сюитов», которые Айсель так тщательно изучала и разглядывала на сайте отеля, словно собиралась прожить в нем остаток своих дней.

Пятый этаж, балкон с видом на море (как будто дома в Стамбуле у нее балкон с каким-то другим видом!), собственный кондиционер, мини-бар, полный напитков, роскошно оборудованная ванная комната, белый пушистый ковер, огромный телевизор... кому все это нужно, хотелось бы узнать?!

Самой Айсель это явно не добавляет счастья. Энвер сам предложил ей эту поездку, ему казалось, что жена немного развеется, отвлечется, отдохнет, в конце концов. Беда, впрочем, была в том, что ей не от чего отдыхать.

А от себя самой в отпуск не уедешь.

Иногда Энвер думал, что если бы он любил жену так, как, по его мнению, должен был любить, то он не видел бы ее так ясно, не читал ее мыслей, не замечал ее капризов и перепадов настроения или считал бы все это милыми слабостями любимого существа, а то и приходил бы от этого в восторг. Сколько раз ему приходилось наблюдать семейные пары, в которых по крайней мере один из супругов был совершенно невыносим, – однако вторая половина была всем довольна и безмятежна и пришла бы в крайнее недоумение, вздумай какой-нибудь доброжелатель вроде Энвера высказаться о ненормальности такого положения вещей.

«Наверное, это любовь», – думал он, наблюдая семьи, где мужья изменяли женам, грубо обрывали их при посторонних, не обращали ни малейшего внимания на воспитание детей, напивались до бессознательного состояния, где жены тратили все время на посещение косметологов, кокетничали с кем попало, были патологически ревнивы или столь же патологически глупы, не умели себя вести или, наоборот, изводили мужей замечаниями о хороших манерах. Настоящая любовь – что же еще может удерживать их вместе? Разве они видят друг в друге то, что так ясно вижу я? Как им удастся быть такими, какие они есть, и быть при этом счастливыми?

И он втайне приглядывался к ним, в глубине души точно зная ответ: это любовь. А то, что он испытывает к Айсель, можно назвать как угодно, только не так.

Энвер никогда не был влюблен в свою жену, хотя она была красива, умна, образованна, хороша во всех отношениях, абсолютно достойна любви и хотя он видел все это. Ее прежние достоинства он видел так же ясно, как теперь видел недостатки.

И если сейчас ее недостатки перевешивали ее достоинства, то он винил в этом только себя. Зачем он женился на ней, если не мог дать ей счастья? Она не была счастлива, хотя обладала всем необходимым для счастья.

Айсель спала, и он тихо прошел в гостиную, чтобы не разбудить ее. Неужели я и это делаю не потому, что забочусь о ней, а для того, чтобы подольше побыть одному? И еще это видение Веры... через – он нервно взглянул на часы – через десять минут он узнает, что это не она, и успокоится.

Конечно, не она! Разве за столько лет она не изменила бы прическу, или эту манеру накидывать на плечи какую-нибудь тонкую рубашку, чтобы они не обгорели, или не потолстела бы, как почти все женщины к сорока годам, разве не отказалась бы уже от длинных развевающихся юбок, не накупила бы драгоценностей? Конечно, она все это давно сделала, а это просто ее двойник, может быть и похожий-то только в его воображении.

Он столько лет не вспоминал о ней – и вдруг оказалось, что помнит все до мельчайших подробностей.

– Что это ты так рано? – прекрасная Айсель на пороге спальни: кремовый шелково-кружевной пеньюар, загорелые колени и руки, ни днем ни ночью не снимаемые золотые браслеты, перламутровый маникюр. Нарочитая и какая-то обдуманная соблазнительность и тщательная сексуальность ее наряда показались ему неприятными. Хоть бы она была... попроще, что ли. – Ходил куда-нибудь?

Энвер никогда не лгал жене. Ему хотелось верить, что они доверяют друг другу, понимают друг друга, что они близкие, самые близкие люди, не имеющие друг от друга тайн и невысказанных мыслей. Вот и сейчас он должен сказать ей правду, в том числе и о Вере или не-Вере, которую он видел, потому что если он не скажет, то это будет означать...

Как же он ненавидел эти бесконечные внутренние рассуждения, когда дело касалось его жены!

– Просто прогулялся. Пока прохладно еще. Да, представляешь, я увидел одну женщину, туристку... мне кажется, мы с ее мужем работали вместе. Помнишь, я рассказывал?..

– Из-за которой ты поехал в Россию?

– Ну да, но...

Теперь придется оправдываться.

Когда-то он рассказал ей всю эту историю. Тогда, в период их счастливой, безоблачной помолвки, это казалось ему правильным: чтобы у них не было секретов, а была иллюзия общего прошлого, чтобы каждый так или иначе вошел в жизнь другого, ту жизнь, что была у обоих до их встречи, чтобы потом никогда не умалчивать, не выбирать слова, не раздумывать, о чем можно, а о чем нельзя говорить.

Он рассказал ей все. Про женщину, в которую бездумно и безумно влюбился, даже не узнав, кто она такая; про женщину, которая была замужем и говорила на чужом языке; про женщину, которая, забыв обо всем, стала его любовницей; про женщину, которую он пытался найти и не нашел.

Потому что она обманула его.

Он излечился от этой любви, говорил он Айсель, он скоро совсем забудет ее, это было какое-то безумие, у этого и не могло быть будущего. Будущее должно быть ясно и просто – как у нас с тобой, а прошлое – что ж, у кого его нет... и ведь его не изменишь!

Потом он понял, что был не прав, что поступил опрометчиво, что открыл всего себя без остатка малознакомой девушке, которая вовсе не собиралась отвечать ему тем же. Которая была не так проста, как он воображал себе, которая легко воспользовалась его идеализмом и доверчивостью ради удачного брака и потом продолжала пользоваться его откровенностью, когда хотела упрекнуть его в чем-то.

Она сохранила свое прошлое для себя, уверяя его в том, что никакого прошлого не было, что это все его фантазии, вызванные его неопытностью и неосведомленностью: у тебя, что, было так много девственниц, ты же имел дело только с русскими шлюхами, разве ты не слышал, что кровь бывает отнюдь не у всех, поговори с медиками, если не веришь, у меня никого не было, я не из такой семьи, чтобы...

Он знал, что она лжет, и только это было ему неприятно. Она ошибочно воображала, что его расспросы питаются ревностью, она упорно отрицала очевидное, а он прекрасно понимал, что красивая девушка, живущая не где-нибудь, а в Стамбуле, лениво посещавшая университет, потому что без образования как-то неловко, а потом так же лениво обучающая детей рисованию в частной школе, пользующаяся относительной свободой и без особых предрассудков, вряд ли могла сохранять невинность до двадцати семи лет. Да это было бы просто ненормальным! Так же как и то упорство, перешедшее, в конце концов, в оскорбленное молчание, смешанное со слезами, с которым Айсель зачем-то доказывала ему, что до него в ее жизни не было никаких мужчин.

Что ж, не было – так не было, разве это важно, пусть оставит себе свои маленькие секреты, жаль, что он сам не поступил так же. Он наивно полагал, что между мужем и женой необходимо доверие, полное доверие, и теперь за это расплачивался.

Недовольный взгляд жены, ее ревнивая подозрительность, поджатые губы – а чего другого он ожидал?

– И что ты собираешься предпринять в связи с этим? – она прошла к окну и повернулась к нему спиной, чтобы он мог лучше прочувствовать и оценить глубину ее возмущения.

– Ничего особенного. Я попросил портье узнать ее имя, вот и все, – как можно меньше лжи, она все усложняет, он не должен обижать жену и давать ей повод для ревности, ей и так несладко приходится. – Если это она, мы, наверное, должны возобновить с ними знакомство, иначе будет неудобно. Не могу же я делать вид, что не узнал...

– Ты уверен, что она с мужем? – Айсель, как всегда, быстро сориентировалась в ситуации.

– Еще не знаю, я попросил портье...

– Это я уже слышала! А если она одна?

– Ну и что? Подойдем, поговорим, ты с ней познакомишься – не более того. Что в этом особенного?

– А то, что я не считаю возможным знакомиться и общаться с любовницей моего мужа! Я так и знала, что из этой поездки ничего не выйдет! Твоя сестра нарочно заманила нас в Анталию, где одни русские девки! Она знает, что ты всегда был к ним равнодушен, а меня она терпеть не может!

– Но, Айсель, это же не так...

– Что не так?! Скажешь, вчера эти девчонки в баре с тобой не заигрывали? Я же видела! Пользуешься тем, что я не понимаю, что ты им говоришь! Откуда я знаю, что ты им сказал!

– Айсель, ну что я, по-твоему, мог им сказать? Помог сделать заказ, перевел два слова, они удивились, что я что-то по-русски знаю, – вот и все.

– Ну да, с ними все, а теперь появляется эта твоя... учти, я это терпеть не намерена!

– Да что терпеть? Я просто сказал тебе, что увидел старую знакомую: кажется, увидел! Кажется, понимаешь? Может, это и не она вовсе! И в любом случае я сказал об этом – тебе!

– Конечно, ты же у нас правдивый! Будешь делать честные глаза, а сам только и мечтаешь...

– Айсель!

Энвер повысил голос. Он прекрасно знал эту манеру жены устраивать сцены на пустом месте. То его сестра, то девушки в баре, то честные глаза! В качестве предлога что угодно сойдет. А ведь он дал себе слово не поддерживать эти бесконечные стычки, не давать им повода, но вот они здесь уже почти неделю, и он не мог не видеть, что беззаботного, безоблачного отпуска у них не получилось.

Но он сам виноват. Виноват в том, что в свое время не настоял, чтобы Айсель бросила совершенно не нужную ей работу в школе и поехала с ним в Россию; виноват в том, что соглашался с ее нежеланием заводить детей (мы еще успеем, куда спешить, ты там работаешь, как же я буду одна с ребенком!); виноват в том, что многое в их совместной жизни шло совсем не так, как ему хотелось, и, наверное, не так, как хотелось его жене.

Если бы он тогда нашел Веру...

Оказавшись в огромной незнакомой Москве, где уже в октябре шел снег и лица у прохожих были неприятно отчужденными, он в первый же вечер достал бумажку с номером телефона. Потом он выучил его наизусть, потом он все-таки понял, что этот номер никогда не принадлежал женщине по имени Вера, потом он пытался прибегнуть к помощи русских коллег, чтобы по номеру определить адрес, потом выяснил, что внушившая ему самые радужные надежды организация под названием, кажется, «Мос-гор-справка» даже за килограмм тамошних денег не берется найти человека без точной даты рождения и такой странной вещи, как отчество. Другие деньги, правда, оказали свое действие, и Энверу вручили-таки список многочисленных Вер Улановых, среди которых, если методично вычеркивать столетних старушек и младенцев, видимо, можно было обнаружить ту единственную, которая была ему нужна.

Она была ему так нужна!

Но вот нужен ли он ей? Тот лживый номер, записанный ее рукой, как будто говорил: нет. Она не нуждается в тебе, она ничего не хочет менять в своей налаженной жизни, ты был нужен ей лишь как короткое приключение, утешение во время разлада с мужем, она не ждет тебя и не желает никаких продолжений.

Забудь. Она не для того дала тебе неправильный номер, чтобы ты все-таки нашел ее. Хватит разыгрывать частного сыщика. На свете полно красивых женщин, которые с удовольствием дают свои телефоны.

Она обманула его. Странно, что, увидев полчаса назад выходящую из отеля женщину, он совершенно забыл об этом.

Айсель уже заперлась в ванной, и Энвер потихоньку вышел из номера. Может, он еще успеет вернуться, до того как жена обнаружит его отсутствие. Обычно Айсель проводила в ванной по полчаса, не меньше. И если он выяснит, что это была совсем другая женщина, он сможет ее успокоить.

Бар на террасе был пуст: кому он нужен в такую рань? Энвер сел в плетеное кресло и развернул захваченную в холле газету, прекрасно зная, что ничего в ней не прочтет и что такая маскировка в духе старых шпионских фильмов выглядит глупо.

Но ему хотелось отгородиться от всего мира и подумать. Предположим, это окажется Вера – причем одна, без мужа не только в данный момент, но и вообще. Вера, которая почти не изменилась, Вера без любовника, без детей, такая, о которой он когда-то мечтал.

Предположим, что это так, и что? Что он будет делать?

Ответ пришел так быстро, что можно было и свернуть ненужную газету.

Ничего. Он ничего не будет делать. Он не должен и не может менять свою жизнь через столько лет. То чувство, которое он испытал, увидев ее, было просто ностальгией, приступом тоски по молодости и тому, что казалось ему счастьем. А такие вещи лучше не впускать в свою душу, они вызывают сожаления, недовольство, невозможные желания.

У нее своя жизнь, у него своя – и вместе им не сойтись.

Она не хотела этого тогда – он не хочет теперь.

8

– Доброе утро, Верочка, идите сюда! Представьте себе, я только что приняла за вас вон ту даму с ребенком и начала махать ей рукой! У меня солнечные очки без диоптрий, а в нашем возрасте, знаете ли, без них уже не обойдешься. С утра особенно, правда, Елечка?

Вера поставила поднос на столик.

– Дело, наверное, не в очках. Я тоже сегодня приняла какую-то женщину на пляже за Елену Георгиевну, а вчера вечером в баре мне показалось, что увидела старого знакомого. Здесь, видимо, в воздухе что-то такое витает.

– А где вы гуляли с утра пораньше? Купались, как Ельча?

– Нет, я... я просто гуляла. Хотелось город посмотреть, а в жару тяжело.

– Ладно, девочки, я побежала! Елечка, ты теперь не одна, не заскучаешь. Мой котик уже проснулся, я думаю. Ельча, я кольцо завтра верну, ладно?

– Ладно, ладно, – махнула рукой Елена Георгиевна. – Ин, не потеряй только... ты же знаешь...

– Знаю, знаю! – уже поднявшись, Нина Николаевна одарила их снисходительной улыбкой. – Дар любви, память и все такое! Но такие гранаты! Гляньте, Верочка!

Она протянула Вере руку с длинными, сильными пальцами. Ногти были острижены коротко: конечно, она же музыкантша, но при этом покрыты довольно темным, почти бордовым лаком – видимо, в тон массивному кольцу, красовавшемуся на среднем пальце. Вере почему-то всегда казалось, что по-настоящему дорогие, особенные кольца лучше смотрятся не на молодых, а именно на старческих руках. Было в этом что-то... что-то от романов, от несуществующих уже историй о фамильных драгоценностях, от прошлых веков с властными императрицами и графинями, опасными связями и придворными интригами. Подвески королевы, лунный камень, гранатовый браслет...

Кольцо, действительно, смотрелось прекрасно. Семь крупных, почти черных гранатов выглядели, пожалуй, чуть мрачно и слишком нарядно на фоне белоснежной скатерти, и Вера подумала, что сама никогда не надела бы такое броское украшение, выходя на завтрак. По какому-нибудь особому случаю, да с вечерним туалетом – было бы шикарно.

– Инночка любит покрасоваться, – улыбнулась Елена Георгиевна, когда ее подруга скрылась в холле. – Вы бы такое не надели, правильно?

– А вы мысли читаете? – засмеялась Вера. Эта женщина, или, как она определила ее про себя, дама, ей нравилась. Она часто присматривалась к пожилым женщинам – как они переносят свой возраст, как им удастся сохранить достоинство, пытаются ли они бороться со старостью, пользуются ли косметикой. Елена Георгиевна, в отличие от ее приятельницы, была из тех, на кого Вера согласилась бы быть похожей. – С утра не надела бы, но вообще кольцо прекрасное. Правда, я ничего не понимаю в драгоценностях.

– Я, честно говоря, тоже. У меня за всю жизнь только и было-то что это кольцо. Инночка меня столько лет уговаривала его продать! Оно из Индии, и это очень хорошие гранаты – так Инна говорит, а уж она-то знаток!

– А вы и в Индии бывали? – Вера припомнила, что вчера ее соседка рассказывала о Китае.

– Нет, не бывала. Это мой... ну, в общем, тот, кто мне его подарил, бывал, но кольцо купил еще его дед, так что это уже почти антиквариат.

– И вы так спокойно даете его подруге? Я бы...

Вера запнулась.

Она бы никому не дала свое тоненькое колечко с тремя похожими на бриллианты камешками. Она даже не знала, бриллианты ли это, или какие-то другие камни, или не имеющие цены, ограненные стекляшки. Для нее цена кольца определялась не этим. Она машинально повертела его на пальце, словно чтобы убедиться, что оно на месте.

– Вы бы не дали? – понимающе прищурилась Елена Георгиевна.

– Не дала бы, – кивнула Вера. – Меня однажды подруга попросила... вот это кольцо, просто померить... и, вы знаете, я не дала. Просто не смогла его снять! Оно и не стоит-то, наверное, ничего, не то что ваше, но я как представила его на чужом пальце...

– Ну, и потеряли на этом подругу, разве нет? Я уже не могу себе этого позволить, в моем-то возрасте. В конце концов, все мои воспоминания при мне и без кольца, а друзей осталось не так много.

Неожиданно обе почувствовали неловкость оттого, что ничего не значащий разговор за завтраком вдруг принял какой-то слишком серьезный оборот, и какое-то время усиленно занимались тостами, джемом и чаем.

Но есть в полном молчании показалось Вере неудобным, и она попыталась как-то восстановить разговор.

– А вы по утрам купаетесь? И не холодно?

– Да что вы, Верочка, какой тут холод? По утрам вода дивная, к тому же нет никого. Ненавижу, когда в море толпа! Плынешь – и натыкаешься на кого-нибудь! Я тогда не чувствую, что... как бы это сказать? Что море – только мое. К тому же и фигура уже не та, чтобы топLESS красоваться! Да ладно вам, не возражайте! Это молодые девчонки могут себе позволить, а не я! А я бы и вообще без ничего купалась, дай мне волю! Вот и встаю пораньше.

– Мне сегодня показалось, что я вас видела, – Вера вспомнила, что она уже говорила это, и смутилась. Как будто больше сказать нечего! Ладно, что ж поделаешь, придется сделать вид, что так и надо. – Потом смотрю: толстая какая-то дама, в ярко-малиновой шапочке...

– Да шапочки-то тут у всех одинаковые! Я тоже такую на днях купила – вон там, в лавке, где все эти купальники. Там, по-моему, все розово-малиновое – цвет сезона, что поделаешь! Инночка в восторге: гамма «цикламен», как она выражается. А я почти неделю держалась и всю эту розовость презирала, но тоже сдалась, в конце концов. Мне шапочка понравилась – с такими цветами, и не обтягивающая, в которой ты как лысая, а пышная такая... вам тоже пойдет. А сегодня я, кстати, не купалась. Что-то нашло на меня... сама не знаю. Глюки, как Инночка выражается.

– А что такое? – без особого интереса поддержала Вера.

– Да сама не знаю, смешно говорить, показалось, наверное... подумаете еще, что я из ума выжила...

– Верочка! – раздалось над самым ухом, и Вера с неудовольствием вспомнила о своем попутчике. Валера Мегера – и ведь не забудешь, как ни старайся! – Что же вы прячетесь? Извините, что прервал вашу беседу, – обратился он к Елене Георгиевне, оценивающе смотревшей на его яркие шорты и невообразимой расцветки майку.

– Разрешите представиться: Валерий, – наверное, он всегда оставляет фамилию напоследок, подумала Вера. Что ж, разумно, чтоб сразу не наткнуться на усмешку и ничего не объ-

яснять, а то ведь не имя, а анекдот! Еще и ей предлагал! Вера никогда не меняла свою совершенно нейтрально звучащую фамилию и не представляла себе, что заставляет женщин брать фамилии мужей. Разве что своя собственная неблагозвучная... но как можно взять фамилию Мегера?! Он вроде говорил, что его мать была Вера Мегера, значит, она именно так и поступила... или это могла быть ее девичья фамилия, а замужем она не была, или развелась, или фамилия мужа была еще хуже, хотя что может быть хуже Мегеры? Стоп! Вера даже встряхнулась, как кошка, чтобы избавиться от наваждения. Надо же так улететь мыслью! Какое ей дело до этого навязчивого типа и всей его родословной!

А тип между тем продолжал светскую беседу с Еленой Георгиевной. Сейчас он выяснит, что они вовсе не старые знакомые, как она вчера вечером ляпнула ему в порыве какого-то отчаянного вдохновения. Она была уверена, что пожилые дамы ее не прогонят и что, избавившись от него на один вечер, она избавится от всех его дальнейших притязаний.

Но ему это, кажется, нипочем. Елена Георгиевна даже смеялась.

– ...женщину своей мечты! И тут она убегает к вам, бросая меня на произвол двух юных красоток, которые начинают с того, что закатывают глазки и облизывают губки, как в кино видели! Представляете? Вдобавок говорят по-английски, произносят какие-то заумные цитаты, потом начинают оглядываться вокруг в поисках других объектов, потом отправляются в бар и напиваются до неприличия. Соотечественники называется! Вы на пляж собираетесь? А еще, если желаете, я вам могу показать все местные достопримечательности лучше всякого гида! Включая хорошие магазины и рестораны! И минарет этот, и крепостную стену! Я здесь уже пятый, нет, пардон, шестой раз. Наверно, первый русский турист, явившийся в эти райские земли, пионер, так сказать! Верочка, вы знаете легенду про царя Аттала? Про то, как он послал своих слуг на поиски рая...

Легенду о царе, а не про царя, машинально подумала Вера и в который раз выслушала растиражированную всеми рекламными буклетами неизвестно кем придуманную байку.

– А в музее местном вы еще не были? А еще здесь неподалеку от города есть пещеры... о них не все знают, но если желаете приобщиться, к вашим услугам... или вы все-таки на пляж? А, Верочка?

Господи, ну за что ей это?! Мегеры, пещеры! Неужели все две недели долгожданного отпуска придется каждый день терпеть этого господина?! Вера уже собирала всю силу воли, чтобы сказать наконец что-нибудь резкое и окончательное, когда ее соседка произнесла совершенно невообразимую вещь.

– Вера сегодня обещала побыть со мной. Вы уж простите, Валерий, но мы так давно не виделись. Вы ведь, насколько я поняла, едва знакомы?

В ее интонациях было столько холодных и ярких точек, расставляемых над «i», что Вера даже позавидовала. А ведь она это тоже умела когда-то или только делала вид, что умела?

– Что ж, тогда прошу простить, – Валерий поднялся из-за их столика, за которым уже успел расположиться. – Может быть, ужин?..

Но Вера не слышала его. Она смотрела на вошедшего в ресторан мужчину, и все мысли исчезли у нее из головы. Потом, оценивая это мгновение и заново переживая его, она удивлялась, почему у нее не возникло ни малейшего сомнения: он это или не он, не обозналась ли она, как уже делала не раз с момента своего приезда, и правильно ли будет узнать его и встать навстречу, и не подождать ли, пока он сам ее заметит, и вообще... нужно ли ей? Все эти соображения, как ей потом казалось, не могли не прийти ей в голову – но они не пришли.

В голову, как ни странно, не пришло вообще ничего. Во всяком случае, сколько Вера ни старалась, она не могла припомнить ни одного обрывка мысли. Она даже не подумала, что так не бывает, что этого не может быть...

Она просто увидела его, а увидев, встала.

И он уже не смог не увидеть ее и не сказать со своим странным, совсем легким, но не забытым ею акцентом:

– Вера?..

Она ничего не ответила, потому что его вопрос почти не был вопросом, потому что все было опять понятно без слов, потому что по улыбке в его глазах было видно, что он узнал ее, разве он мог не узнать?

Она стояла и молчала, не замечая ничего вокруг, всего несколько секунд, но эти несколько секунд так долго ожидаемого и все равно неожиданного счастья показались ей такими же длинными, как все годы его ожидания.

Она не видела и не могла видеть, какой злобой и ненавистью вспыхнул темный женский взгляд из-за его спины.

И с каким любопытством и холодным вниманием следили за ними и другие глаза.

9

– Старый знакомый? Не от него ли колечко? – с улыбкой спросила Елена Георгиевна, когда все закончилось. Разноязычные приветствия, церемония взаимных представлений – познакомьтесь, моя жена, а это моя старая знакомая, очень приятно, вы говорите по-английски, нет, не муж, это просто знакомый, ах, извините, да, говорю, но не очень хорошо, я пять лет проработал в Москве, очень рада, разумеется, – все это было наконец-то позади.

Энвер и его жена направлялись в город, неутомимый Валерий, с невообразимой смесью английского и турецко-русского, увязался за ними.

– Очень приятный... и улыбка такая! Не то что наш общий друг Валерий, да? Не повезло вам, Верочка, не даст он вам отдохнуть спокойно!

– Какой теперь отдых! – вырвалось у Веры.

– Да что вы, деточка, все не так страшно! Если хотите, я с ним поговорю, с этим Валерой. За себя я тоже постоять не очень-то умею, но за другого – вполне. Скажу ему прямо, чтобы оставил вас в покое... в конце концов, в отеле такого уровня человек вправе рассчитывать на то, чтобы никто не мешал. Такая бесцеремонность, просто удивительно! На сегодня мы уже от него избавились, я надеюсь, – Елена Георгиевна улыбнулась.

– Да, спасибо вам. Я вообще-то не его имела в виду... не Мегеру... это у него фамилия такая – Мегера... просто все так неожиданно...

Неожиданно. А разве ты не вглядывалась в каждое смуглое лицо, не искала его глаза, его улыбку, не принимала за него...

– Значит, я не сошла с ума! Мне вчера показалось, что я видела его в баре, но там полумрак, а я, конечно, не подошла и не посмотрела!

– Вы с ним работали, как я поняла? Мой английский, конечно, оставляет желать...

– Нет, не совсем... то есть это мой муж, мой бывший муж работал... очень давно. Еще в советские времена.

– Сколько же вам лет, уж простите за вопрос? Я думала, около тридцати...

– Уже около сорока, Елена Георгиевна, к сожалению.

– Никогда бы не подумала! Впрочем, я в ваши годы тоже прекрасно выглядела.

Надо было сказать, что она и сейчас прекрасно выглядит, ее тон явно подразумевал, что она ожидает такого продолжения, но Вера вдруг почувствовала, что у нее нет никаких сил на пустые разговоры. В горле стоял комок, к глазам подступали слезы, надо было извиниться и уйти.

Эта встреча не была неожиданной. Она ее так долго ожидала, что назвать ее неожиданной было нельзя. Неожиданным было только одно.

Только одна.

Его жена.

Почему-то Вера, фантазируя и представляя себе эту немыслимую встречу, никак не предполагала, что он может быть женат. Давно и благополучно, если судить по ее внешности. Красивая, современная, моложе Веры – да разве дело в этом? Он был женат – и это поразило ее так, словно она сама все эти годы ни разу не предпринимала попыток устроить свою жизнь и словно он не сдержал данного слова. Но ведь на самом деле она была одна не потому, что все эти годы хранила ему верность, а просто потому, что все как-то не складывалось, что она так и не решилась завести ребенка, а он... она ведь сама виновата в том, что он не смог бы ее найти, даже если бы захотел.

– Понимаете, ведь мы были так воспитаны, – говорила она Елене Георгиевне, которая, быстро сообразив, что соседку надо отвести в ее номер и по возможности выслушать, сидела теперь напротив нее в кресле и сочувственно кивала. – А я еще так кичилась своим фрондерством... думала, мне все это нипочем, обожала антисоветские анекдоты и всякое такое... ну, вы понимаете! И это я такое сделала! Где было мое свободомыслие, интересно? Его у нас и не было вовсе, мы жили и всего боялись, всего! Как же надо промыть людям мозги, чтобы женщина боялась дать телефон и адрес любимому человеку! Везде какие-то шпионы мерещились, агенты – и вот результат! Я себе столько лет простить не могу! Он приезжал в Москву, вы слышали, приезжал! Если бы я тогда повела себя как нормальный человек! А не как советский гражданин, который вечно что-то должен! Господи!.. Ну, подумайте, я уезжаю, он просит мой адрес и телефон, а у меня в ушах инструктаж первого отдела: не вступать в несанкционированные контакты, не позволять себя фотографировать, не давать адрес и телефон! Ради чего все это было, ради чего?! А ведь там, перед этим инструктором, я так старалась продемонстрировать смелость – и вот, пожалуйста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.